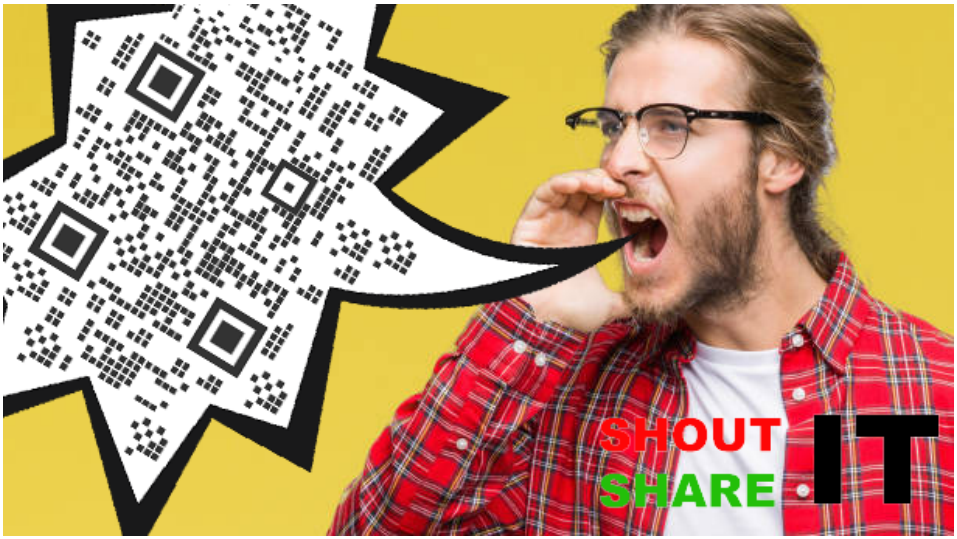
Путь Бойца

Дэн Тэлер


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

То ли что-то онтологическое, то ли, наоборот, чушь какая-то. В любом случае, много бьют по мордасам, иногда размышляют, глупо шутят – в общем, отличное произведение!

- Дэн Тэлер
  -
  - День 1
  - День 2
  - День 3
  - День 4
  - День 5
- notes
  - Note1
  - Note2
  - Note3
  - Note4
  - Note5

Дэн Тэлер
Путь бойца

Посвящается моим любимым игрушкам детства.

…Поклон.

Выпрямиться. Стойка. Нижний блок рукой. Мая-гери – удар ногой в лицо. Дзуки – кулаком в корпус. С разворота ногой в колено. Разворот и блок рукой от удара в лицо. Удар рукой в лицо. Йоко-гери в колено и сразу в лицо. Блок с разворот от удара в пах. Разворот. Удар кулаком в корпус. Стойка. Поклон. Выпрямиться. Секунда на восстановление сил.

И снова. То же самое.

Это называется ката – высшая ступень тренировки. К этому я долго стремился, а теперь, когда достиг, начинаю сомневаться в правильности моего пути.

Поклон – лицо на закат. А, может, и на рассвет. Кто теперь скажет наверняка. Для меня все одно. Выпрямиться и схватить цепким взглядом красное, словно кроваво воспаленное среди грозовых облаков солнце. Дождя не будет – никогда…

Стойка – я стою на горе. Меня никто не отвлечет. Я могу совершенствовать свое искусство вечно. Только кому оно понадобится?

Нижний блок рукой. Я знаю, что гора исписана светящимися письменами. И я знаю, что там написано. *Выиграть сотню побед за сотню боев – не самое высшее достижение. Победить соперника без боя – вот высшая степень мастерства.*

Мая-гери. Я много ночей видел эту надпись. Она всегда приходила ко мне во сне: первая заповедь бойца. Но кто знал, что путь воина может так кончиться?

Кулаком в корпус. Тут нет корпусов – я один на горе. Победителем. И проигравшим.

С разворота ногой в колено. Да, проигравшим. Победа часто может обернуться поражением. После нее всегда понимаешь, что истинное наслаждение только в пути к ней. Но уже поздно…

Разворот и блок рукой от удара в лицо. Теперь, когда все закончено, только и остается думать, что о том, как бы все повернулось, если бы знал обо всем раньше. Тогда…

Удар рукой в лицо, йоко-гери в колено и сразу в лицо. Понимаешь всю гибельность маршрута и мечтаешь оставить хоть предостережение тем, кто пойдет следом.

Блок с разворота от удара в пах. И тут же понимаешь, что даже если это и выйдет, его все равно не примут.

Разворот и удар кулаком в корпус.Все равно, надрываясь, обламывая ногти, с хрипами и стонами, будут ползти, проклиная все на свете, к вершине.

Стойка. Если бы они знали, что ждет их тут…

Поклон. И если бы знал я…

Выпрямиться. Сколько раз я уже выполнил это ката? Тысячу? Миллион? Больше? Я бросил считать. Я знаю, что в любой момент могу прерваться…

Секунда на восстановление сил. …и вернуться в начало. И пройти все это снова. Нет, ни за что. Я буду здесь, покуда хватит сил. А их, насколько я понимаю, у меня бесконечное количество. Или до тех пор, пока чужая воля не отберет у меня мой выигрыш и не сбросит обратно, в самое начало пути. И ведь самое обидное то, что я очень хорошо помню, и как это все начиналось и к чему все это привело… Я не вернусь, покуда на то моя воля. Но это значит, что я обязан делать то, что положено. Повторы ката. Бесконечно… И может быть, я придумаю выход…

Поклон – лицо на закат.А, может, и на рассвет. Кто теперь скажет наверняка. Для меня все одно. Выпрямиться и схватить цепким взглядом красное, словно кроваво воспаленное среди грозовых облаков солнце. Дождя не будет – никогда…

День 1

Прохлада. Лед. Мороз. Холод. Холод. Жесткое покрытие отрезвляюще вливает его в ступни. Голова словно в огне, тело стонет от бушующих волн пылающей крови, но в ногах – холод. Подошвы моих ног стерты, превращены в омертвелые мозоли многолетними, каждодневными тренировками и пробежками. Я уже забыл, что такое обувь. Я хожу по снегу, по песку, по гравию и не чувствую между ними разницы, но этот холод я ощущаю. Ощущаю не кожей, не нервами и не рецепторами. Ощущаю самим собой. Потому что я знаю об этом холоде. Я знаю, что он должен быть здесь.

Это ненадолго, через пару мгновений, когда я сделаю несколько первых движений, выискивая более удобную стойку, подошвы моих ног скользнут по кажущемуся холодным татами и раскалятся, словно я балансирую на раскаленных угольях. Вспыхнут жаром застарелые трещины кожи, отзовется очагом горячей боли когда-то выбитый из сустава большой палец правой ноги.

Но я быстро забуду об этом. Я всегда об этом забываю, как только принимаю стойку. Для меня гораздо важнее позаботиться о коленных суставах, извечном слабом месте всех спортсменов. Это только кажется, что чувствительнее всего ступни или ладони, на самом деле колени – вот, что страдает в первую очередь, вот где сразу отражаются все, даже самые мелкие ошибки техники.

Но нет! В ближайшие несколько минут я не буду думать даже о коленях, как не буду думать о четко поставленной позиции ног, развернутых чуть меньше прямого угла – пятки на одной линии, как не буду думать о весе тела, чуть больше распределенном на опорную ногу. Я не буду думать и о копящемся напряжении в плечевом поясе, слегка приопущенном, чтобы дать большее расслабление бицепсам и локтевым суставам рук. Я не буду думать и о мышцах шеи, вытянутой вперед и вниз, которые готовы моментально подать сигнал рвануться головой в сторону, чтобы уйти от атаки.

Я не буду думать ни о чем, связанном с будущим боем, и ничто не отразится в моих глазах, безо всякого выражения следящих за соперником. Я – боец! Я – настоящий воин. И никаких сомнений в победе!

Мой соперник – Горо Суцуки, ученик школы Озеки-Рю. Улыбчивый веселый парень, почти не похож на японца. Все пытается накормить меня суши – очень любит рыбу. Только вот я ее терпеть не могу.

У него на голове повязка для сдерживания волос – которая, правда, ему совершенно не нужна, у него короткие, аккуратно разложенные на косой пробор волосы. Вместо традиционной, под цвет пояса, он использует красный с белым платок, завязанный узелком над левым виском. Я знаю, он мне рассказывал, что это сшила ему его девушка. Он даже показывал мне ее фотографию. Я посмотрел – ну так, ничего особенного. Длинноволосая, косоглазенькая. Обычная японочка. Но Горо от нее без ума, каждый день пишет ей письма и читает их мне вслух. Он меня считает своим настоящим другом. И он, наверное, прав. Мне он тоже нравится, этот парень.

Я справлюсь с ним. Он хорош, кто спорит. Он даже посильнее меня, чуть выше – что редкость для японца. Он быстр. Но в схватке нет места шуткам, а он шутит всегда, даже во время боя. Поэтому он проиграет.

Я не боюсь его. Да, я помню, когда-то ему удавалось меня одолеть, но это случалось так редко, что можно считать случайностью. Как правило, я его легко побеждал.

Не опасаюсь я и следующего, Ейджи Кимуру, из школы Ягю-рю. Он сражается мечом, но я легко справляюсь с ним голыми руками. Он слишком нетерпелив и совсем не заботится о защите. Впрочем, чему удивляться. Ему же только два месяца назад исполнилось шестнадцать. Собственно, его тогда и допустили к схваткам.

А вот третий – это хуже. Джимми Доран. Он тоже молод, младше меня года на четыре, но он опасен. По-настоящему опасен. И не только умением драться. Я страшусь его. И каждый раз, выходя против него на татами, страшусь не вернуться живым…

Но все это потом, а сейчас – холод! В моих ногах спокойный холод, я черпаю уверенность в твердом синем покрытии. Кимоно свободно лежит на моих плечах. Черный, как сила, пояс уверенно охватывает талию и свисает вниз двумя идеально ровными лентами. Руки касаются запястьями бедер, левая нога чуть впереди, чтобы быстрее перейти в стойку. Я готов!

Поклон! При движении вниз все мысли исчезают, в голове остается только прохлада, словно я стою на открытом холме и меня обдувает тихий ветер. Разгибаюсь. Моя левая нога скользит вперед, тело автоматически распределяет вес по ногам. Я знаю, что одновременно поднимаются руки, тренированное тело само дает команду перейти в оптимальную стойку. Правая рука, прижимаясь, поднимается по бедру и замирает на ладонь выше черной ленты пояса. Она сжата в полукулак и повернута ребром к земле. Напряженные центральные фаланги пальцев почти

дотягиваются до линии поясного узла. Левая плавным движением вытягивается перед корпусом открытой ладонью вперед. В центре ладони таится жар. Мне говорили, что там сосредоточено биополе, которым лечат больных. Я замираю и жду. Я готов! Я в стойке!

Горо, как всегда, отстал. Я уже стою в стойке, а он только завершает поклон. Можно этим воспользоваться, крикнуть, кинуться на него, пока он не успел собраться, но это не мой стиль. Он скользнул в такую же стойку, что и я, и немедленно двинулся ко мне. Я невольно залюбовался его отточенными, выверенными движениями, значительно более пластичными и грациозными, чем мои.

Два подшага, подождал, еще подшаг и прыжок. Даже здесь не может удержаться от своих штучек… Горо сжимал свободную руку в кулак во время прыжка и разжимал при приземлении. Так всегда делаю я – дразнится! Еще прыжок и на губах Горо появилась такая знакомая мне ухмылка. До меня осталось не более четырех шагов. Руки Горо слегка распахнулись, открывая грудь, он чуть присел, собираясь покрыть разделяющее нас расстояние прыжком, но я успел первым…

Мозг отдал телу команду прежде, чем я успел оценить обстановку. Я взвился вверх и вперед, разворачиваясь в воздухе. Тяжелый удар ногой пришелся точно в открытую грудь Горо. Он пошатнулся, но не упал и я похолодел, когда увидел, что его улыбка стала только шире и понял, что он открылся специально. Я приземлялся на татами и видел метнувшуюсь ко мне левую руку Горо, сжатую в кулак. И ничего не мог сделать! Удар был направлен в пах и, если он достигнет цели, схватку можно считать законченной.

Я пришел на левую ногу, изменив в воздухе распределение веса тела. Стоял я в очень неудобной позиции, меня можно было бы легко свалить с ног, но от непосредственной угрозы успел уйти и тяжелый удар пришелся на бицепс правой ноги. Практически нечувствительно! Я отступил назад, Горо успел еще раз ударить меня ногой в колено, но это уже было так, скорее дань рефлексам. Он прыгнул ко мне еще раз, махнул рукой, прямой удар в солнечное сплетение, я легко заблокировал и нанес серию ударов ногами. Последний пришелся в живот – мне показалось, что я угодил по скале, – и Горо отлетел назад.

Его глаза слегка затуманились и я понял, что пора переходить в атаку. Один из моих коронных приемов – это серия ударов двумя ногами в прыжке вперед. Я отталкиваюсь опорной правой ногой, лечу вперед и наношу удар левой ногой в лицо. Сам по себе он несильный, его без труда можно заблокировать, но

он маскирует следующий, гораздо более опасный удар. Пока внимание соперника приковано к летящей к нему в лицо пятке, поджатая во время прыжка правая нога разгибается и со страшной силой отшвыривает его назад. Тело по инерции скручивается и, чтобы сохранить равновесие, левая нога сама опускается вниз. А там уже татами, через секунду я снова в стойке и готов наносить еще один прием, благо соперник шатается и пытается ровно встать после предыдущего. К сожалению, эта серия, хоть и эффективная, но отнимает очень много сил, поэтому в нее входит максимум трех-четыре удара.

Впрочем, для Горо этого вполне достаточно. Прыжок, удар, удар, встать, прыжок, удар, удар, встать, прыжок, удар, удар, встать. Горо, прижатый к дальнему углу татами, тяжело шатался, еле стоя на ногах. Я подошел ближе и ударил ногой с разворота. Горо дернулся поставить блок, но я знал, что он так и сделает, поэтому удар только казался направленным в лицо. На самом деле я просто подцепил его за колено. Горо потерял равновесие и стал размахивать руками, открыв пресс и моя нога тут же глубоко вонзилась в солнечное сплетение. Горо всхлипнул, схватился руками за грудь и повалился на татами лицом вниз. Нога, за которую я его зацепил, неловко подвернулась под тело и он взвыл от боли, не отрывая лица от татами.

Я поднял глаза и встретился взглядом с крепким мужчиной европейского типа. Он был в кимоно и в черных очках. Рядом с ним, вполоборота ко мне, стоял неизвестный мне человек в зеленой куртке и серых слаксах. Он тоже был в очках. На их лицах застыло скучающее выражение, смешанное с неприязнью. На моем лице не отразилось ничего. Я поклонился в направлении поверженного соперника, спиной отступил с татами, повернулся и пошел в свою комнату.

Но мне даже не дали толком передохнуть. Я успел только сесть в позу лотоса и закрыть глаза, как услышал шквал аплодисментов и понял, что в зале появился Джимми Доран. Его всегда приветствовали криками восторга. Еще через минуту дверь моей комнаты отворилась и человек в зеленой куртке молча поманил меня пальцем. Я поднялся и пошел за ним. Мы прошли по коридору и я вновь оказался на татами. Напротив стоял Ейджи Кимура, одетый в темно-синий фехтовальный костюм. На лице у него была маска. Длинный меч отсвечивал золотом в свете ярких прожекторов зала.

Я чувствовал себя очень странно. Я совершенно не опасался этого юнца, но мне настолько не хотелось драться, что я был готов отказаться от схватки. Из меня словно вынули всякое желание сопротивляться.

Но едва ли все это бы понял Ейджи и поэтому мне пришлось поклониться и выпрямиться в своей излюбленной стойке. Я не мог позволить распространение слухов о том, что я испугался шестнадцатилетнего юнца. Но схватки мне не хотелось совершенно. И это была не схватка. Это было избиение. Бедный мальчик не успел нанести ни одного удара. За время схватки он четыре раза вылетел с татами и, когда он еле стоял от изможденья на ногах, я нанес ему удар ногой в прыжке с разворота. Ейджи упал на колени, как подрубленный, так, словно ему на плечи рухнуло небо со всеми звездами, лунами и планетами.

Меч вылетел у него из руки, отлетел на шаг и я знал, что теперь у меня есть непримиримый враг. Детская психика не позволит простить перенесенный позор. Просто проиграть – не зазорно, но потерять меч… Что же я мог поделать, Ейджи? Извини, малыш… Я не хотел. Я сошел с татами, кто-то накинул мне на плечи теплый халат. Только сейчас я понял, что гул в ушах, который я принимал за рев крови, на самом деле восторженные крики публики. Я обвел глазами зал. Мне хотелось крикнуть им: «Да что же с вами всеми происходит? Как вы можете радоваться тому, что я, здоровенный каратист, только что на ваших глазах избил ногами мальчишку. Почему вы не хватаете меня, не связываете, как больного, и не сажаете в сумасшедший дом?!»

Меня настойчиво дергали за руку, я сфокусировал взгляд на миловидном восточном личике.

– Скажите, мистер Прет, вы будете сегодня сражаться с Джимми Дораном или отложите бой на завтра?

– Что вы ели на завтрак? – вмешался длинный и худой, как жердь, парень в клетчатом пиджаке.

– Правда ли, что вы спите со своей собакой?

– Что вы можете сказать о последней схватке?

– Пожалуйста, не шевелитесь, мне нужно вас сфотографировать.

Вспышка ударила в глаза молнией, медленно гасли светлые круги.

– Вы давно участвуете в чемпионате?

– Какой зубной щеткой вы пользуетесь?

Темная двухстворчатая дверь, покачиваясь, приближалась. За ней тишина, отдохновение.

– Говорят, на соревнования собирается приехать Арни Густафсон. Вы не боитесь?

– Вы часто мастурбируете?

Дверь закрылась и шквальный гам вопросов прервался,

словно отсекло голову гильотиной. Я, сгорбившись и по-стариковски загребая ногами, прошаркал в свою комнату. Там меня ждал сюрприз. В моем единственном кресле развалился полуголый здоровяк. Его знаменитая широкополая соломенная шляпа лежала на соседнем стуле. В дальнем углу комнаты скромно стояли двое невысоких людей в темных костюмах. Еще один, в гавайской рубашке навыпуск, в темных очках, сидел на моем письменном столе, перебирая в руках какие-то бумаги. Увидев, как я вхожу в комнату, он встрепенулся и бросился ко мне навстречу.

– Дорогой Прет, – залопотал он, пытаясь схватить меня за руки и проводить в комнату, словно я был слишком глуп, чтобы справиться с этим без его помощи. – Как я рад, что вы нашли время заглянуть. Я – адвокат мистера Дорана. Меня зовут Ричард Фенстер, но вы меня можете называть просто «мистер Ричард Фенстер». У нас есть очень интересная тема для беседы.

Я, не обращая на него внимания, подошел к Джимми и посмотрел на него сверху вниз.

– Ты сидишь в моем кресле, – мой тон не предвещал ничего хорошего.

– Ты заметил? – удивился Джимми. – Наблюдательный.

– Не можешь дотерпеть до завтра? – я встал в стойку, по которой можно было догадаться, что я собираюсь ударить.

– Вот как раз по поводу завтра мы и хотели бы побеседовать, – неожиданно встрял адвокат. – Джимми, детка, встань из кресла, не раздражай мистера Прета, а то вдруг он из-за этого не сможет как следует сосредоточиться на предмете беседы.

Джимми смерил меня презрительным взглядом, взял шляпу со стула, надел ее и встал. Он был длиннее всего на полголовы, но тяжелее на добрых двадцать пять килограмм и это были двадцать пять килограмм прекрасно тренированных мускулов, горы которых возвышались надо мной вавилонской башней. А над ними из-под придурковатой шляпы на меня был нацелен острый взгляд, под которым я ощушал себя, как под оптическим прицелом снайпера.

– Итак, мистер Прет, – продолжил адвокат, – если вы теперь готовы к общению, то я был бы рад сформулировать ваши требования.

– Чего надо? – демонстративно отряхивая кресло, поинтересовался я. Со стороны Джимми донесся сдавленный смешок.

– Очень интересное предложение, – отозвался адвокат. – Вы, наверное, слышали, что теперь на боях действует тотализатор. В процессе боя ставки можно менять, переустанавливать,

увеличивать и отменять. На завтрашний бой уже поставлено очень много денег. Если вам интересно, то на завтрашний бой средняя ставка четыре целых восемьдесят одна сотая за Джимми против одного за вас. Наша задача…

– Да что ты с ним болтаешь? – вмешался Джимми, нетерпеливо топчущийся на месте во время всего монолога адвоката. – Скажи, чего от него надо и все.

– В течении боя симпатии зрителей часто меняются и на этом можно неплохо сыграть.

– Если ваш детка Джимми достаточно силен, он сумеет со мной справиться. Если же нет, то я ему помогать не собираюсь, – отрезал я.

– Что вы, – в притворном ужасе всплеснул руками адвокат. – Неужели вы могли подумать, что мы хотим предложить вам подддаться?! Ни в коем случае! Сражайтесь изо всей силы и, может быть, вам удастся уйти с татами всего лишь искалеченным. Мы просто хотели попросить вас попробовать продержаться против Джимми хотя бы два или три раунда. Он соглашается баловаться с вами не больше одного раунда, а за один раунд мы не успеем поднять ставки и на двадцать процентов. Но если вы продержитесь два, три или, ну это уже из раздела фантастики, четыре, то мы сумеем поднять ставку втрое. И, поверьте, вы внакладе не останетесь. Поэтому постарайтесь продержаться подольше.

– Не могу вам этого обещать, – покачал я головой, – но могу гарантировать, что постараюсь запихнуть вашему Джимми его палочки ему в… рот в течении первых пяти минут.

– Вы даже себе не представляете, – промурлыкал адвокат, – насколько большая редкость настоящие оптимисты в наше время. И насколько приятно с ними встречаться. Всего хорошего. Пойдем, Джимми.

– До встречи на татами, – бросил, выходя из комнаты, Джимми. И хищно улыбнулся.

Двери в здании не закрывались и я подпер ее креслом. Мне очень хотелось побыть одному. Я стянул с себя кимоно, аккуратно разложил его на полу. Вечером отнесу его в стирку. Затем сходил в душ, долго тер себя жесткой мочалкой, с наслаждением сдирая накопившиеся за день на теле грязь и пот. И наконец, чистый, свежий, вышел и растянулся на циновке, постеленной на полу.

Заснуть не удавалось. Мне не давало покоя странное ощущение нереальности происходящего и от этого я испытывал сильный дискомфорт. После нескольких безуспешных попыток расслабления я поднялся, закрыл все окна, сел на пол в позу лотоса и стал искать в себе ответы.

За опущенными веками находится целый мир. Даже больше, чем мир. За опущенными веками находишься ты. Когда ты закрываешь глаза и начинаешь вглядываться во что-то, спрятанное в темноте, ты понимаешь, что пока ищешь – прозреваешь.

Я не хотел бить этого мальчика. Я был готов отказаться от схватки. Это был не я, который, словно зверь, накинулся и жестоко избил юнца. Я помню, однажды у меня была подобная схватка. Когда я проиграл три боя подряд, меня подхватила волна ярости, холодной, всеослепляющей, и я так же избил на татами санкю* местной школы карате. Но в этот раз я был совершенно хладнокровен перед боем. И не желал схватки. Мои действия словно были продиктованы свыше и я не мог их остановить.

Неровным ритмом прозвучал знакомый стук, я поднялся, отодвинул кресло и распахнул дверь, пропуская Горо внутрь. Горо ворвался, как метеор, оттолкнул меня, успев сунуть мне в руки пакет, рухнул на пол и стал кататься по полу, зажимая руками живот и дрыгая ногами.

– Ты пробил во мне дырку, – громко простонал он. – Как же я теперь, по-твоему, буду получать удовольствие от саке, если оно будет тут же выливаться наружу?

– Как там? Не очень сильно тебе досталось? – на всякий случай поинтересовался я.

– Да ерунда. – Горо легко поднялся. – Угадай, что я тебе принес.

– Наверняка, какой-нибудь очередной вариант суши, – скривился я.

– Не какой-нибудь, а нигири-суши, – гордо заявил Горо. – Все иностранцы предпочитают именно его. Тебе должно понравиться. Попробуй.

– Спасибо, Горо, – я отложил пакет на стул. – Но у меня сейчас нет аппетита. Я обязательно попробую попозже.

– Слушай, Прет, – Горо стал непривычно серьезным. Он поднялся и встал напротив меня. – Что с тобой сегодня случилось? Зачем ты так набросился на бедного Ейджи? Ты ведь и так бы с ним справился. И что, ты свел дружбу с Джимми Дораном? Он ведь мафиози.

Я тяжело вздохнул.

– Я не знаю, Горо. Я вообще не хотел драться. Такое ощущение, что в меня вселился какой-то дух, который заставлял меня действовать против моей воли.

Горо недоверчиво хмыкнул.

– Если бы это случилось во время завтрашнего боя с Дораном, я бы и слова не сказал. Но Ейджи еще совсем мальчонка… Ты

уверен, что ты в порядке? Может быть, сходишь к наставнику?

– Может, и схожу. – Я посмотрел на Горо. – Горо, скажи мне честно, тебе никогда не бывает странно от того, что происходит?

– Конечно! Особенно когда я вижу, как из твоей комнаты выходит твой завтрашний соперник с тремя громилами. А что ты имеешь в виду? – Горо уже бросал по сторонам косые взгляды. Он не умел долго оставаться серьезным.

– Да забудь ты про этого Джимми, – с досадой отозвался я. – Они просто пришли меня попугать, но не на того напали. Я про ощущения. Мне кажется, что все идет как-то слишком правильно.

– И ты этим недоволен? – удивился Горо. Он якобы машинально взял пакет со стула и стал вертеть его в руках. Я сделал вид, что ничего не заметил. – Ты хотел бы, чтобы все шло наперекосяк?

– Слушай, Горо. Мы ведь словно играем какие-то роли, разве ты не чувствуешь.

– Мы всегда играем роли, – Горо запустил пальцы в пакет, выудил оттуда совершенно несъедобный, на мой взгляд, кусок рыбы, бросил его в рот и стал медленно пережевывать, прикрыв от удовольствия глаза. – И в данный момент моя роль мне очень даже по душе.

– Горо, – тихо спросил я. – Сколько времени?

– Двадцать один сорок, – тут же ответил Горо. – А что?

– Как называется оружие Дорана?

– Тонфа. Знаешь, откуда он его взял? Как-то ездил в Россию, поссорился там с двумя полицейскими, поколотил их и отобрал у них. Они там все с такими ходят.

– Кто будет следующим?

– Шигео Кавахара. Он тренировался на пустынном острове. Совершенно сумасшедший тип. – Горо отправил в рот еще кусочек рыбы.

– Какое у него оружие?

– Нунчаку. Он их сам выстругал из красного дерева. Говорят, бьют ужасно больно.

– Сколько претендентов в соревнованиях?

– Один. Ты. Зачем же больше?

– Когда я приехал?

– Три месяца назад.

– Сколько ты работаешь на соревнованиях?

– Почти год. Осталось всего три недели и я поеду домой, к своей Кийото. Хочешь посмотреть фотографии?

– Сколько через тебя проходило претендентов?

– Ух… и не спрашивай, – всплеснул руками Горо. – Тысячи.

– Расскажи мне о них.

– Обычные ребята, – пожал плечами Горо. – Приезжали, бились, уезжали.

– Расскажи мне о последнем. Как его звали?

– Представляешь? – искренне удивился Горо. – Я забыл. Вроде и было это недавно.

– Горо, как часто ты работаешь?

– Каждый день, как же иначе.

– А вчера ты работал?

– Разумеется. – У Горо забегали глаза.

– Горо. Я сегодня первый день на соревнованиях. С кем же ты дрался вчера?

– Слушай, Прет. – Горо выглядел очень виноватым. – Извини, пожалуйста. Ты меня совсем заболтал.

– О чем ты?

Горо молча поднял пустой пакет.

– Я все слопал. Я сейчас принесу тебе еще.

Он подскочил и выбежал за дверь.

– Горо, подожди! – крикнул я ему вслед.

– Я скоро, – голос затих вдали.

Я отошел и сел на циновку. Что-то было неладно. Что-то было совсем не так, как надо. Горо не мог забыть имя соперника, с которым дрался вчера. Видимо, у него есть какие-то причины на то, чтобы не раскрывать мне его. Но какие?

Спать мне уже не хотелось совершенно и я решил действительно сходить к наставнику. Возможно, он может помочь мне прояснить сумятицу, царящую в моей голове. В том, что Горо не вернется, я был абсолютно уверен.

Огромный одноэтажный дворец, в котором проходили соревнования, был погружен в полумрак. Я вышел в узкий коридор и задумался. Привели меня сюда с закрытыми глазами и дороги к выходу я не знал. Я вообще знал пока только один маршрут, от своей комнаты до татами, направо до упора.

Поразмыслив, я решил пойти налево, в направлении, противоположном дороге к татами, резонно рассудив, что коридор идет по периметру и рано или поздно я обязательно приду к выходу.

Коридор оказался ответвлением от другого, гораздо более широкого, уходящего далеко вперед в амфиладу арок. Каждая арка была освещена разным цветом, над ними висели знаки различных гербов. На ближайшей ко мне висел знак Горо. Прямо за аркой был поворот в узкий коридор, похожий на тот, в котором была расположена моя комната. Я повернул туда. Как я и ожидал, коридор вел на татами, в середине его располагалась комната Горо. На двери висела табличка со знаком, рядом было написано

его имя, ранг, название школы и оружие. Внизу таблички мелким текстом было написано:

«Горо лучше известен своим пристрастием к суши, чем навыками карате, но не обманывайся в ожиданиях! У него мощный удар справа. Будь повнимательнее!»

Я постучал в дверь. За дверью послышалось сопение и сонный голос Горо отозвался: «Кто там?»

– Это я, Прет. Я пришел за обещанным суши.

– Прет?! – из голоса Горо пропали сонные нотки. Дверь распахнулась. Горо в ночном халате стоял на пороге, испуганно глядя на меня. – Что ты здесь делаешь? Нельзя покидать комнату по ночам. Пойдем, я провожу тебя в комнату.

– Да я и сам доберусь, – удивился я. – А почему нельзя выходить по ночам? Я не знал о таком запрещении. Ты не пригласишь меня войти?

– Не сейчас, Прет. – Горо странно напрягся. – Мне надо спать, чтобы завтра быть в форме.

– Зачем? Разве ты будешь завтра драться? С кем? Я же прошел на третий тур.

– А вдруг ты проиграешь?

– Если я проиграю, я буду драться с Ейджи.

– Ты можешь проиграть и ему.

– Вряд ли, – Я зевнул. – Ладно, пойду спать. Я просто удивился, куда ты пропал.

– Было уже поздно и я решил отложить визит до завтра, – Горо расслабился. – Давай я тебя провожу.

– Давай, – я решил не спорить. – Ты не будешь переодеваться?

– Да мы, наверное, никого не встретим.

Горо вышел, взял меня под руку и повел уже знакомым коридором обратно. Я зевал все шире, даже запинался на ходу. Горо поддерживал меня под плечи, чтобы я не упал. Мы подошли к моей комнате, я зашел и тут же рухнул на циновку.

– Что-то я прямо выключаюсь. Видимо, устал сегодня.

– Конечно, отдыхай, – Горо наклонился, похлопал меня по плечу и вышел.

Я тут же открыл глаза, прислушиваясь к удаляющимся шагам в коридоре. Дождавшись, пока шаги стихнут, я поднялся, медленно досчитал до тысячи, затем выглянул в коридор. Никого не было. Я досчитал еще до тысячи и взглянул на часы. Пол-второго ночи.

Я бесшумно выскользнул за дверь и, прижимаясь к стенам, на цыпочках прошел до конца коридора. За аркой виднелась тень Горо. Так я и думал! Я тихо вернулся назад в свою комнату и улегся на циновку. На сегодня вылазки закончены. Несколько

глубоких вдохов и я легко провалился в темноту сна.

Выиграть сотню побед за сотню боев – не самое высшее достижение. Победить соперника без боя – вот высшая ступень мастерства.

Тренируй свой ум также, как и тело.

Самая трудная победа – победа над самим собой.

Плыви по течению, оставляя свой разум чистым. Оставайся в центре событий, принимая все, что ты делаешь.

Теперь необходимо перенести мысли в действие. Иди тренируйся.

День 2

Тихий писк будильника разбудил меня в полшестого утра. Я поднялся, быстро сполоснулся в душе и вышел в коридор, рассчитывая при свете дня продолжить экскурсию по дворцу, однако, стоило мне выйти в коридор, как ко мне подскочил поджидавший меня человек в зеленой куртке.

– Вы сегодня рано, мистер Прет. У вас такой серьезный бой, а вы не отдыхаете.

– Это разве ваша забота, мистер…?

Человек в зеленом костюме предпочел притвориться, что не расслышал прозвучавшего вопроса.

– Мистер Прет, прошу вас проследовать за мной.

Почему бы и нет? Я все равно собирался прогуляться. Я пошел следом за этим типом, гадая, в какую сторону мы направимся по выходу из коридора и мысленно поставил три к одному за правый поворот. Но просчитался.

Отойдя от моей комнаты буквально на несколько шагов, зеленый нажал пальцами на ничем не примечательный кусок стены, который оказался крышкой коробки. В коробке находился странный прямоугольный предмет с четырьмя кнопками, помаргивающий различными цветами. Человек нажал две крайние кнопки одновременно, затем, удерживая одну, отпустил вторую и последовательно нажал две оставшихся. В стене пискнуло и панели разъехались в стороны, открывая проход к обычной офисной двери. Человек открыл дверь, обернулся ко мне и сделал пригласительный жест внутрь.

– Я и не знал, что мы соседи, – проходя в комнату, бросил я.

– О, не только с вами, – отозвался человек, заходя и запирая за собой дверь. Я успел заметить, как панели съехались обратно. – Подобные комнаты находятся везде, по всему зданию. Прошу садиться, – добавил он, указывая на кресло рядом с типовым деревянным столом.

– Я постою, – ответил я, оглядываясь.

Комната являла собой самое обычное офисное помещение, совершенно неестественную для богатого, по-восточного пышно украшенному дворцу, в котором мы находились. Стол, за который уселся человек в зеленом, был завален бумагами, в которых тот немедленно начал рыться, словно голодная мышь. На одном листе красовалась моя фотография.

– Итак, чем могу служить? – начав терять терпение, поинтересовался я, увидев, что человек настолько погрузился в

чтение одной из бумаг, что совершенно позабыл о моем присутствии. – Как вы справедливо заметили, у меня скоро очень серьезный бой, а вы не даете мне приступить к разминке.

Человек отложил бумагу и уставился на меня. На его лице мелькнуло выражение удовлетворения. Несколько секунд мы молча изучали друг друга.

– Мистер Прет, – наконец, начал человек. – Вы ведете себя очень неосторожно. Нарушаете установленные порядки, спортивный режим, столь для вас сейчас необходимый, вступаете в подозрительные связи…

Ага. Значит, моя ночная вылазка не прошла незамеченной и донес на меня, судя по всему, мой улыбчивый друг Горо.

– О чем это вы? – искренне удивился я. – Если про мою ночную прогулку, то я просто пошел навести друга. Он вышел, сказал, что вернется через пять минут и пропал. Мой спортивный режим вас явно не касается. А в подозрительные связи я не вступал уже, как минимум, три месяца. С тех пор, как здесь оказался. Просто не с кем…

Человек поднялся и подошел к шкафу-бару, установленном на стене. Он распахнул двухстворчатую стеклянную дверь и поманил меня пальцем. Вместо бутылок внутри шкафа был миниатюрный макет моей комнаты. Я вопросительно посмотрел на человека и стал изучать макет, сделанный с феноменальной точностью. В нем были повторены даже малейшие детали, вплоть до чуть помятого края циновки.

– Дотроньтесь, – видя мое непонимание, негромко посоветовал человек.

Я протянул руку к изображению своего кресла, намереваясь поднять его и рассмотреть поближе. Мои пальцы прошли сквозь ручки кресла насквозь, но их цвет остался на пальцах. Я отдернул руку и перевел взгляд на человека в зеленом.

– Все правильно, – кивнул тот. – Зеркала. А слышно все из этих дырок, – он показал на длинный ряд небольших отверстий, усеивающих стену на уровне человеческого лица. Вас вчерашний разговор с Джимми Дораном был зафиксирован, равно, как и две попытки выйти в коридор. Зачем, кстати, вы попытались выйти вторично?

– Мне не спалось, – пожал плечами я.

Интересно, есть ли у них средства слежения в коридорах? Видимо, не было, потому что человек в зеленом кивнул, явно оставшись удовлетворенным ответом.

– Что касается Джимми Дорана, то при чем тут я? Если вы слышали наш разговор, то могли бы заметить, что я даже не собирался принимать их предложение.

– Конечно, – согласился человек, – именно поэтому вы еще участвуете в соревнованиях. Это просто предостережение, чтобы вы были поаккуратнее.

Я повернулся и направился к выходу.

– И еще кое-что, – Он неожиданно радушно улыбнулся, – желаю удачи. Набейте этому мерзавцу физиономию так, чтобы его мать родная не узнала.

– Сомневаюсь, что у Джимми была женщина-мать, – ответил я и вышел.

Я отправился прямиком к Горо, но там меня ждала неудача. В его номере я застал только пожилую японку, которая протирала пыль самодельным веником. Я миновал следующий коридор, где, по моим рассчетам, должен был жить Ейджи, но заходить не стал. Парень вряд ли уже остыл и стал бы разговаривать.

Я дошел до коридора Джимми и остановился. За ним, наверняка, следят еще пристальнее, чем за мной. Вдобавок, он не находился в числе тех, от кого мне хотелось бы получать информацию. Пусть даже и полезную.

Я прошел дальше, но не успел пройти и нескольких шагов, как передо мной, словно из-под земли, выросли два гориллообразных охранника.

– Извините, мистер Прет, – вежливо, но непреклонно обратился ко мне один из них. – Согласно правилам чемпионата, вы не имеете право видеть своих будущих соперников, за исключением непосредственного.

Я смерил его взглядом и утвердился в мысли, что у меня нет ни малейшего желания с ним спорить, равно как и шанса справиться. Поэтому я послушно развернулся кругом, бросив через плечо:

– А у вас есть где-нибудь список этих правил? А то я, куда ни плюну, нарываюсь на запрещение.

Второй охранник засмеялся.

– К сожалению, мистер Прет, эти правила познаются только по мере столкновения с ними.

Я понимающе кивнул.

– Прямо как жизнь, верно?

Охранники одинаковым жестом оскалили зубы.

– Возможно, мистер Прет, – донеслось мне в спину, но я уже так и не понял, какой из них это сказал.

В моей комнате меня ждала целая делегация судей, которые требовали, чтобы я назвал им тип оружия, которым собираюсь драться с Джимми и, в случае победы на ним, с Шигео. Я отказался, желая сохранить эти сведения в тайне вплоть до выхода на татами. Мой сенсей говорил: предупрежден –

наполовину подготовлен, а мне совершенно не хотелось подготавливать Джимми. Судьи ссылались на подпункт двадцать два параграфа восемь тома четыре, я – на здравый смысл. После получасовых пререканий, судьи оставили меня в покое, вытребовав с меня обещание предоставить им необходимые сведения в течении двух часов. С учетом того, что бой начинался через два с половиной, меня это вполне устраивало.

Я облился ледяной водой, уселся поудобнее и не спеша занялся самомассажем, разгоняя кровь по застывшему телу, чтобы подготовиться к разминке. Одновременно я размышлял о том, какое все-таки выбрать оружие? То, что не карате, все всякого сомнения. Джимми настолько здоровее меня, что возможности одолеть его голыми руками у меня нет никакой. Можно использовать меч – очень мощное оружие. С ним я практически непобедим. Но меч в течении соревнований можно использовать только четыре раза, а у меня еще десять соперников впереди. Тратить на такого, как Джимми – опасного только своими физическими габаритами да склонностью к жестокости, жалко и обидно.

Шест – мое любимое оружие. Но он больше приспособлен для дальнего боя, а Джимми со своими палками будет рваться в близкий контакт. Кроме того, шестом удобнее обороняться, а не нападать. Нет, не шест.

Остались только нунчаку. В течении соревнований я мог использовать четыре типа оружия, каждый из них по четыре раза. «Ну что ж», подумал я, пожав плечами, «нунчаку –отличный выбор!». Заодно попробую отработать парочку новых техник. Мне их показали уже несколько недель назад, но что-то никак руки не доходили.

Я снял со стены свои боевые нунчаку. Две тонкие, кажущиеся практически невесомыми, палки, сделанные, на самом деле, из отборного бука и весящие не меньше, чем пистолет, были перетянуты изящной, почти декоративной цепочкой. Я всегда предпочитал цепи веревку, но, если бы я сражался против меча, ее бы перерубили, и мне пришлось ее снять и натянуть вместо нее цепь.

Я сделал несколько неторопливых махов. Оружие прекрасно лежало в руке.

В дверь негромко постучали. Я крикнул «Открыто» и на пороге показался недавний судья. Увидев нунчаку в моей руке, он сдержанно наклонил голову, но глаза его довольно заблестели.

– А для Шигео? – поинтересовался он.

– Карате, – улыбнулся я.

Брови судьи взлетели вверх.

– Шигео прекрасно владеет нунчаку, – предупредил он.

– Если не получится с двух попыток, то я возьму меч, – успокоил его я. – У меня же три попытки, верно?

– Верно, – судья еще раз кивнул. – Желаю успеха.

Дверь закрылась. Я продолжил занятия и тренировался до тех пор, пока не раздался звук первого удара гонга. Я отложил нунчаку и стал одевать кимоно. Сенсей советовал, чтобы я в первую очередь следил за опрятностью кимоно, так как если оно не будет идеально сидеть на теле, то даже самые плавные движения со стороны будут выглядеть тяжелыми и неуклюжими, а это снижение балла.

Я несколько раз перевязывал пояс, добиваясь того, чтобы концы висели идеально ровно. Удовлетворительного результата я добился как раз в тот момент, когда гонг прозвучал повторно. Я вышел из комнаты и пошел на татами.

И снова. Холод… Как вчера. Все повторилось, даже моя стойка. Только моя правая рука была не на бедре, а выставлена вперед и сжимала одну из палок нунчаку.

Джимми чопорно ответил на мой поклон, чуть наклонив голову и тут же перешел в атаку. Я спокойно ждал. Я собирался подождать, пока он дойдет до меня и тогда, запустить свою любимую комбинацию: в голову слева, в голову слева, перехват, по рукам, перехват, снизу в пояс, перехват, справа по голове и все сначала. Заблокировать это последовательность ударов не мог пока никто. Маскимум, что удавалось моим соперникам, это либо блокировать удары в голову, либо отпрыгивать за пределы досягаемости. Второе было ненадолго, на татами особенно не разбегаешься.

Все опять произошло не так, как я планировал. Словно демон вселился в мое тело. Джимми успел сделать только два подшага, когда я сорвался с места и понесся к нему, как сумасшедший. Три прыжка и на четвертом Джимми получил мощнейший удар с лета в голову, прямо по дурацкой шляпе. Раздался глухой стук и я понял, что Джимми аккуратен – под шляпу было подложено что-то вроде картона. Я мог остановиться и потребовать его дисквалификации – на соревнованиях запрещалось использовать дополнительные средства защиты или нападения, кроме отведенных, – но что-то меня держало, словно кто-то изнутри дергал меня за ниточки, как куклу. Нунчаку взметнулись над моей головой и Джимми получил один за другим четыре мощных одинаковых удара в грудь, от каждого из них отступая на шаг. Я пораженно попытался сдержать руку – это не мой удар, я, Прет, чемпион Европы, не дерусь такими тупыми ударами. Я попытался провести комбинацию, но руки действовали против моей воли.

Прыжок и Джимми получил еще один, на этот раз двойной удар в голову. Глаза его затуманились, и он покачнулся, но успел подставить руку с палкой и заблокировать коварный удар в прыжке с разворота.

Я присел и метнул удар нунчаку ему в лицо. Из разбитой губы Джимми брызнула кровь. Второй удар пришелся в челюсть. Джимми пошатывался, но настойчиво бросался ко мне. Я пока не получил ни одного удара.

Джимми заблокировал два следующих удара и подскочил ко мне вплотную. Я вдруг почувствовал, что чужое влияние оставило меня. Но удивляться этому времени не было и, вдобавок, было настолько удобная ситуация для моей любимой комбинации, и я не мог упустить такой случай. Я закрутил нунчаки вокруг рук с такой скоростью, что они слились в кольцо. Однако Джимми уже овладел собой. В глаза его вернулась ясность, а на губы презрительная улыбка. Он поставил обеими своими палками блок под мои удары и мне в зубы со страшной силой врезался его огромный кулак.

Перед глазами сверкнуло красным, Джимми вдруг расплылся в моих глазах. Я рефлекторно закрутил перед собой нунчаку и услышал глухой звук удара и сдавленный шип проклятий. Я тряхнул головой и зрение прояснилось. Джимми болезненно смежил ноги – я попал ему в пах, дернул коленями и прыгнул ко мне.

Следующие несколько секунд слились в сплошной кошмар. Я не сумел заблокировать ни одного из его ударов, голова моя звенела от воплей публики, тело дергалось, словно под током. Руки крутили нунчаку, но удары никуда не попадали.

В какой-то момент мои глаза открылись и я ясно увидел летящий ко мне в лицо тупой конец палки Джимми. «Это последний удар» – отрешенно понял я.

Удар с хрустом впился в мои губы. Он оказался не последний, я все еще стоял на ногах, но сопротивления я оказывать уже не мог. Джимми довольно ухмыльнулся и картинно замахнулся еще раз. Его рука вылетела вперед со скоростью стрелы из боевого лука, но неожиданно остановилась, жестко заблокированная ударом нунчаку.

Джимми удивленно раскрыл глаза, да я и сам поразился, не понимая, что со мной происходит. Чужая воля вернулась в мое тело, заставляя измученное, еле стоящее на ногах тело драться, причем с такой скоростью, что я сам не успевал отследить движения своих рук. Последние три удара были нанесены с такой скоростью, что звуки от них слились в один.

Джимми рухнул, как подрубленное дерево. Дурацкая шляпа

свалилась с головы, обнажив появляющуюся залысину на макушке – «вот зачем она ему понадобилась!» – грустно сообразил я. Палки вылетели у него из рук и разлетелись по всему татами. Я обошел татами, собрал их и положил рядом с Джимми. Публика восторженно взревела. Джимми приподнял голову, взглянул на меня в упор и еле заметно улыбнулся. Я отшатнулся – на его разбитом лице улыбка выглядела дико.

Он приподнялся на мускулистых руках, глаза несфокусированно уставились внутрь лежащей перед ним шляпы. Потом протянул руку. Я помог ему подняться, хотя чувствовал, что сам еле держусь на ногах.

– Спасибо, Прет, – задыхаясь, шепнул мне на ухо Джимми. – Ты сделал меня богатым человеком.

– Каким образом? – поразился я. – Ведь ты же…

– Мой адвокат – ужасно хитрая бестия, – сочувственно прошептал мне Джимми. – Он все мои деньги поставил на тебя. После твоей вчерашней победы на Ейджи сомнений в исходе нашего боя ни у кого не было.

«Кроме меня!» – мрачно подумал я.

Мы вышли с татами вместе, поддерживая друг друга.

– Пройдем через мой коридор? – предложил я.

– Пошли, – легко согласился Джимми. Он почти висел на мне, еле передвигая ноги.

Мы пробились через толпу журналистов, восхищенных нашими дружескими объятиями и вошли в коридор. Как только дверь закрылась и стряхнул руку Джимми со своего плеча и отшвырнул его в стене.

– Выкладывай! – потребовал я. – Что тут происходит?

– Что? – удивился Джимми. – Ты про деньги? Ну так каждый зарабатывает как может. Ты тоже, если когда-нибудь поумнеешь, начнешь. Хотя вряд ли… – он смерил меня издевательским взглядом.

– Бес с ними, с деньгами. Я про все, про это… А, черт с ним, – я махнул рукой, отвернулся и пошел к себе в комнату.

– Подожди, Прет, – голос Джимми неожиданно серьезно прозвучал мне вслед. – Прет, послушай доброго совета. Если я правильно понял, о чем ты думаешь, забудь об этом, слышишь? Я уже сталкивался с теми, кто искал ответы на слишком сложные вопросы. В больших знаниях мало пользы. Забудь, Прет.

– Большое спасибо, – огрызнулся я. – Когда мне потребуется психоаналитик, я обязательно к тебе обращусь. А теперь проваливай.

Джимми укоризненно покачал головой.

– Зря ты так, Прет, – тихо сказал он, – я же добра тебе хочу.

– Я уже заметил, – язвительно ответил я. – Проваливай, продажная девка.

– Прет, – в голосе Джимми зазвенела сталь. – Следи за своим языком. Иначе пожалеешь.

Я бросил на него взгляд и осекся. Джимми выпрямился, из осанки исчезли и малейшие следы усталости. Он шагал рядом со мною легко, словно не участвовал только что в страшной, выматывающей все силы схватке. Перехватив мой взгляд, он осклабился и сгорбился, шаркая ногами, как прежде. Во мне закипела холодная ярость.

– Так ты лег специально, – я не спрашивал, я обвинял. – Ты… – у меня перехватило дыхание.

– Ну почему? – великодушно ответил Джимми, снова распрямляясь. – С ног ты меня сбил совершенно честно. Вот вставать я не стал специально.

Я развернулся и метнул свой коронный удар ногой ему в челюсть. Джимми легко уклонился от удара, присел, подбил свободной ногой мою опорную. Я рухнул на землю, Джимми подскочил ко мне, захватил меня за ворот кимоно, поднял и поставил к стене.

– Не справишься, Прет, – в голосе его неожиданно прозвучало сочувствие. – Ты – менее сильный боец, но это не твоя вина. Такова данность.

– Ублюдок, – прохрипел я, вырываясь. Джимми разжал руку и я чуть не грохнулся, дернувшись в сторону. Джимми поймал и поддержал меня за локоть. Я оттолкнул его руку. Джимми пожал плечами, вновь становясь прежним Джимми и побрел к выходу из коридора, но пройдя несколько шагов, вдруг остановился и повернулся ко мне.

– Если ты действительно так тверд в своем намерении, – медленно, словно с кем-то споря, сказал он, – то ты рано или поздно добрался бы до этой информации и без моей помощи. Поэтому слушай. Найди охранников, Майкла и Рэя. Они главные и могут тебе помочь.

Он пошел дальше, но остановился снова.

– И еще вот что, – странным голосом добавил он. – Первое, что тебе необходимо выяснить – что значит твое имя? Если ты не будешь этого знать, они не станут тебе помогать.

Я открыл рот, но он поднял ладонь, прерывая мою попытку заговорить.

– Не отвечай сейчас, сейчас ты этого знать не можешь. Никогда не спеши с ответом, даже если ты твердо уверен, что знаешь его. Иди готовься, Шигео не самый опасный противник, но недооценивать его не следует. Если ты думаешь попробовать

карате, не надо, дерись сразу мечом. Желаю удачи.

Он развернулся и ушел, на этот раз окончательно.

Я зашел в свою комнату и сел в позу лотоса. Плохо, плохо… Ничего не понятно.

Сочувствующий Джимми, чужая воля во время схватки, охранники, которые главные… Что, черт возьми, происходит?

Дверь открылась. Судья поманил меня пальцем. Я подхватил меч и пошел следом.

– Все-таки решил мечом, Прет? – довольно ухмыльнулся судья.

Я не ответил.

Шигео стоял напротив. Коротконогий, с кривыми зубами и неровно подстриженными усами, он сжимал в руке выщербленные нунчаку красного цвета. У него были совершенно белые глаза, заглянув в которые, я ужаснулся. Этот тип был абсолютно ненормален.

Я вежливо поклонился, Шигео не ответил на мой поклон. Я опустил меч к земле. К черту! Я не буду драться. Если этой чужой воле нужна моя победа, пусть она о ней и беспокоится.

Меч сам взвился в воздух, мое тело, словно подброшенное пружиной, кинулось к Шигео. Удар с лета в голову пришелся мимо, но затем меч засверкал, заметался искрами, лезвие плашмя звонкими шлепками дотягивалось до Шигео. В углах его рта показалась пена, он несколько раз пытался начать атаку, но мой меч легко пресекал ее в самом начале. От единственного удара в голову, который ему удалось нанести, я легко уклонился и лезвие глухо треснулось об его руки. Нунчаки выпали у него из рук и Шигео поклонился.

Бой был закончен. Я развернулся и пошел прочь, не заботясь об этикете. Что-то мне подсказывало, что никто не обратит на это внимания.

Я вышел в коридор и отправился в свою комнату. Там я сбросил кимоно и улегся на циновку. От меня ничего не зависело. Все происходило само собой – я чувствовал себя ненужным.

Так я лежал долго, никто не приходил. Постепенно мои мысли начали туманиться и я провалился в сон.

Выиграть сотню побед за сотню боев – не самое высшее достижение. Победить соперника без боя – вот высшая ступень мастерства.

Терпение – самое необходимое качество человека.

Соревнования – просто дополнительная тренировка.

Постоянно тренируй дух для того, чтобы если твое тело потерпит поражение, твой дух остался бы несломленным, незапятнанным.

Тренировки сложны и скучны. Ты должен предолеть эти чувства и продолжить усиленно работать.

Почувствовав атаку – птица атакует. Накапливай свои силы до тех пор, пока они действительно не понадобятся.

Теперь необходимо перенести мысли в действие. Иди тренируйся.

День 3

Будильник запищал знакомой трелью. Я удивленно открыл глаза – уже утро? Я проспал не меньше шестнадцати часов, но чувствовал себя еще более утомленным, чем накануне. Я поднялся с твердым намерением немедленно найти охранников, о которых говорил Джимми. Дверь была заперта. Я подергал за ручку, но она не открывалась. Я постучал – нет ответа.

Я отошел и сел обратно на циновку, потом, подумав, лег. Сегодня я не буду тренироваться – пусть чужая воля меня заставит это сделать, если сумеет.

Дверь открылась через два часа. На пороге стояли судьи.

– По законам соревнований вы имеете право на выбор оружия, – без приветствия начал один из них, – но мы просим вас выступить с оружием соперников, чтобы уравнять шансы. У вас слишком разительное преимущество.

Я безразлично кивнул, не поднимаясь с циновки.

– Пожалуйста, как вам угодно.

Дверь шелкнула, закрываясь. Мелькнула вялая мысль попросить не закрывать, но, поразмыслив, я понял, что меня это не интересует. Когда я захочу, я выйду.

– Эй, зеленый, – негромко обратился я к отверстиям в стене. – Ты тут? Зайди, я хочу поговорить.

Через несколько секунд на пороге появился человек в зеленом костюме.

– Как я могу вам помочь, Прет? Кстати, поздравляю вас со вчерашним боем, вы отлично справились с этим выскочкой Джимми.

Я махнул на него рукой.

– Скажи, пожалуйста, ты давно тут работаешь?

– Я всегда тут работал, Прет, – без тени эмоций ответил зеленый.

– Как тебя зовут?

– Зачем вам мое имя, Прет?

– Для удобства, – безразлично пожал я плечами, – но, если хочешь, я буду продолжать называть тебя зеленым.

– Продолжайте, – кивнул новоявленный Зеленый.

– Ты знаешь охранников Майкла и Рея?

– Конечно, – не удивился Зеленый. – Они единственные охранники в корпусе. А зачем вам?

– Давай договоримся, Зеленый, – в моем тоне появились угрожающие нотки, – если я что-то спрашиваю, ты не

переспрашиваешь. Усек?

На лице Зеленого появилась глупая улыбка.

– Конечно, усек, Прет. Кстати, вы в курсе, против кого вы согласились драться оружием соперников?

– А какая разница? – я закинул руки за голову и потянулся.

– Восхитительная беспечность, – рассмеялся Зеленый. – Но я все-таки скажу. Вы будете драться шестом против Тетсуо Окабе, ранг Сандан* и голыми руками против Арни Густафсона, ранг Годан*. Вы, видимо, очень смелый и беззаботный человек.

У меня неприятно похолодело в животе, но я постарался сохранить равнодушное выражение лица.

– Да черт с ними. Справлюсь.

– Успеха вам, Прет, – Зеленый чуть заметно поклонился и отступил к двери.

– Почему меня заперли, Зеленый? – спросил я.

– Во избежание неприятностей. Вы чересчур горячий человек, – дверь захлопнулась.

– Зеленый, – окликнул я, – а что за имя Прет?

Ответа не было. Я закрыл глаза. Однако я подписался под собственной смертью. Если чужой воле по какой-то причине вздумается меня покинуть, я, можно считать, покойник. Про Густафсона ходили неприятные слухи. Этот громила «случайно» убил трех партнеров. Он объяснял это тем, что у его соперников слишком слабые головы и раскалываются от малейших толчков. Про Тетсуо я только слышал, что у него есть какой-то суперудар шестом, но самого его никогда не видел. Червячок сомнения медленно, но верно, вырастал в толстенную голодную змею.

Выпустил и отвел на ринг меня Горо. Он был непривычно мрачен, поздоровался со мной без обычной сердечности и даже не улыбался в течении тех десяти минут, которые мы пробыли вместе.

– Горо, если я тебя чем-то обидел, извини. Я не хотел, – выходя на татами, сказал я.

Горо передернул плечами, отвернулся и не ответил.

Тетсуо был забавным человечком средних лет, с усиками под французского мущкетера и длинным конским хвостом на макушке. Кроме этого пучка волос, вся его голова была тщательно выбрита. Он был крепкого телосложения, ростом чуть ниже меня, одет в хакаму и зеленый жилет. Двигался он очень подвижно, но в то же время рассчетливо.

В первые же несколько секунд я пропустил несколько ударов в корпус, заблокировал пару несложных атак и нарвался на коронный удар. Коронным ударом было прокручивание шеста и нанесение обоими его сторонами чувствительных ударов в лицо.

От второго удара я не удержался на ногах и рухнул наземь, выпустив шест из рук и как следует приложившись подбородком о татами. Тетсуо благородно отступил назад и ждал, пока я поднимусь и займу стойку. Я встал поудобнее и кивнул ему. Он вежливо поклонился, подскочил ко мне и тут же сделал из меня отбивную. После третьего пропущенного в лицо коронного удара я бросил шест, Тетсуо тут же остановил начатую атаку и выжидательно уставился на меня. Я криво ухмыльнулся ему, ожидая, пока остановится вращение десятка расплывающихся Тетсуо у меня в глазах и поклонился.

Чужая воля не появлялась.

– Вы готовы продолжать? У вас есть еще две попытки. – Оказывается, судья спрашивал об этом меня.

– Да, конечно, – еле ворочая прикушенным языком, прошепелявил я. – Со мною все в порядке.

Вторая схватка ничем не отличалась от первой, если не считать того, что Тетсуо меня совершенно довел своим благородством. Он не бил по травмированным частям тела, искусно выбирая целые участки кожи на моем теле, в результате чего после этой схватки я весь был сплошным кровоподтеком. Кроме того, он в течении первых двух минут он вообще не нанес ни одного удара, давая мне оправиться. Я атаковал, как бешеный, и пару раз как следует залепил ему, один раз с маху в челюсть, другой раз в поддых. Но реакцией на эти мои мощные удары, от которых обычный человек бы давно отправился к праотцам, была только довольная улыбка на лице Тетсуо, словно я, наконец-то, бросил заниматься ерундой и начал заниматься делом. Остальную сотню моих ударов он просто-напросто сблокировал.

Я развалился на стуле в своем углу, мои царапины торопливо обрабатывали мазями, залепливали пластырем разбитую бровь, а я, как проголодавшийся вампир, жадно обсасывал ободранные костяшки пальцев. Тетсуо, как мне кажется, исхитрился отбить мне каждый из них в отдельности.

Если бы не то, что мы были соперниками, я бы однозначно преклонился перед Тетсуо. Он владел шестом не просто лучше, чем я. Если я владел шестом виртуозно, то он владел им безупречно. В его технике не было ни одной ошибки. И этим я и собирался воспользоваться – это был мой последний шанс. Открыться и поймать его на рефлекторном ударе.

– Используете последнюю попытку? – судья, кажется, кричал, но сквозь гул крови в ушах я его еле слышал. Я кивнул.

Тетсуо вышел и встал напротив. Он был свеж, как весенняя маргаритка и отвратительно бодр, как утренний кот. В глазах его я прочел одобрение. Судя по всему, он одобрял мой воинский

дух.

Да какой еще дух? Я вдруг сообразил, что и сам не знаю, за что борюсь. Я НЕ ЗНАЮ, КАКОЙ ГЛАВНЫЙ ПРИЗ?!! Я растерянно оглянулся по сторонам. Все мозги он мне вышиб своей палкой, что ли? Пойди туда, не знаю куда, – это еще ладно. Но воюй за то, чего не знаешь, – это уже слишком. Хотя так оно, как правило, и бывает, – мелькнула неожиданно философская мысль, прерванная мелькнувшей у меня перед носом палкой.

Я готовил свой коварный замысел, осыпая Тетсуо градом ударов с разных сторон, не давая ему ни мгновения передышки. Когда он был достаточно, на мой взгляд, запутан, я перебросил шест в правую руку, открывая таким образом грудь. Мой расчет был прост – его техника настолько безупречна, что, увидев открытую для удара грудь, он ударит шестом вперед, как копьем, вытянув таким образом обе руки, а я, хоть и получу удар в грудь, огрею его шестом по рукам и вышибу у него палку. Тогда-то и посмотрим, чья возьмет.

Тетсуо поступил именно так, как я и думал. Шест вонзился мне к грудь и я изо всех сил махнул правой рукой, метясь шестом в мощные руки, покрытые курчавыми черными волосами. Тетсуо же мгновенно перевернул рывком свои ладони так, что они оказались на шесте сверху и, рванув шест к себе, поставил его вертикально. Мой шест просвистел на тот месте, где миг назад были его руки и по инерции прокрутился дальше, чуть не вырвавшись у меня из руки. Тетсуо печально улыбнулся и толкнул свой шест верхней ладонью от себя. Шест с треском врезался мне в лоб и перед моими глазами побежали круги.

«Ну вот и все. Спелся» – мелькнула мысль.

Тетсуо поднял шест и отошел на несколько шагов, готовясь к коронному удару. Я приготовился красиво упасть. Шест Тетсуо свистнул, раздался стук. Я с удивлением понял, что успел заблокировать один из ударов. Свист, стук. Мой шест рванулся вперед и угодил острием точно в лоб Тетсуо. Тот, пораженный, отступил на шаг. Я, вернее, вновь вернувшаяся чужая воля в моем теле, ринулся следом.

Тетсуо не успевал ставить блоки и мой шест все яростнее впивался то в массивную грудь, то в аскетичное восточное лицо. Наконец, в глазах Тетсуо появилось то странное недоумение, которое бывает у людей, терящих сознание и я подпрыгнул, вернее то, что во мне, заставило меня подпрыгнуть и последний удар шестом в прыжке пришелся точно в гладко выбритый висок.

Тетсуо начал падать, успел подставить шест, оперся на него, но ноги его подкосились и плавно стек по шесту на пол, упав на колени. Шест скользнул по татами и Тетсуо всей своей массивной

тушей навалился на него сверху, бессильно разметав могучие руки.

Я поклонился бессознательному телу Тетсуо и сошел с татами. Судья посмотрел на меня дикими глазами. Я весело улыбнулся ему и чуть не взвыл от боли – мое лицо напоминало только что освежеванную свинью.

– Вы будете драться сегодня с Арни Густафсоном? – он настолько был уверен в отрицательном ответе, что я не мог удержаться от соблазна поддразнить его. Вдобавок, столь своевременное появление чужой воли доказало мне, что они не собираются позволить мне проиграть чемпионат и, соответственно, с их помощью я одолею любого соперника.

– А как же! – жизнерадостно воскликнул я. – Непременно. Можно даже прямо сейчас.

– Арни должен приготовиться, – судьи глядели на меня с откровенным страхом.

– Тем лучше, – довольно кивнул я. – Мне тоже следует переодеться. – Я показал на перепачканное, кое-где даже прорванное кимоно.

Стараясь держать ровную походку, я прошел до дверей в свой коридор, мимоходом отметив, что Зеленый стоит на своем обычном месте около татами, дошел до своей комнаты, но заходить внутрь не стал.

Найти нужную панельку оказалось непросто. Они все были совершенно одинаковыми. Я уже потерял надежду, когда пластинка под моими пальцами поехала в сторону и моему взгляду открылась знакомая коробочка с кнопками. Я нажал нужную комбинацию и открыл дверь.

Бумаги все так же были разбросаны по столу. Я подошел и стал изучать их по одной, стараясь класть их точно на то же место, откуда и брал.

Все документы были сделаны по одинаковой, совершенно непонятной форме. Каждая страница была разделена на три части вдоль.

В первом столбце были числа из восьми знаков, увеличивающиеся на десять с каждой строкой, в первой строке стояло число из нулей (00000000), в следующей строке десять (00000010), дальше двадцать и т.д. Странность начиналась после числа 90. Вместо привычных 100 за ней шло число A0, затем B0 и так до F0, после чего 100 и счет шел дальше, как обычно.

Во втором столбце в каждой строке было по шестнадцать двухзначных чисел, разделенных вертикальной чертой: восемь с одной стороны и восемь с другой. По ассоциации с соседним столбцом я сообразил, что это иная система счета, но пользы это

мне особенной не принесло.

Третий столбец содержал относительно удобоваримую информацию, там даже можно было разглядеть некоторые связные выражения. Рассудив, что лучшее – враг хорошего, я решил не разбираться подробнее, а изучить доступные мне на конкретный момент данные. Результаты оказались плачевными. Из двадцати изученных мной листков я сумел извлечь только обрывки текста о какой-то компании электронных искусств, которая обещала покрыть стоимость разработки продажей мягких изделий, а также многочисленные просьбы не делать нелегальных копий данных мягких изделий.

Чуть более интересными показались мне листочки с моими изображениями на них. На одном из них поперек от руки было написано: «Претендент на победу. Основной и/или единственный».

– Нашел что-нибудь интересное? – На пороге стоял Зеленый.

– Неа, – я решил играть ва-банк. – А очень жаль. Уж больно интересно, почему вы все так со мной носитесь и в то же время всячески мешаете жить.

Зеленый глубоко вздохнул.

– Ты не понимаешь. – Он помолчал и неожиданно добавил. – И в этом твое счастье!

Затем он раздраженно мотнул головой, словно пытаясь стряхнуть налипшую на волосы паутину.

– А теперь иди, – скомандовал он. – Положи назад документы и иди переодевайся. Тебя уже ждут на ринге.

Я сделал шаг к двери, но металлический голос, совсем не похожий на обычный тихий голос Зеленого, остановил меня.

– Я же сказал, положи бумажку.

Я молча вытащил из внутреннего кармана бумажку с изображением, на которой меня официально назвали и бросил ее на стол. Бумажка подхватилась легким сквозняком из отверстий в стене и спланировала вниз, скользнув частью под стол. Я чертыхнулся и полез ее доставать.

– Да брось ты, Прет, – поторапливал меня от двери нетерпеливый голос Зеленого, – тебе же там люди ждут.

– Подождут, – у меня перехватило дыхание. Бумажка залетела под стол почти целиком и оттуда виднелось только маленькая ее часть. Только начало фразы. Только начало первого слова. Только четыре буквы. Четыре. П-Р-Е-Т. ПРЕТ…

Я поднял бумажку и положил ее на стол. Затем, повернувшись к Зеленому, сказал:

– Я готов, только мне надо переодеться. Не могу же я в таком виде драться с этим европейским убийцей?

Зеленый смерил взглядом порванное в нескольких местах кимоно, кое-где заляпанное кровью и согласно скривил губы.

– Тут ты прав. Хотя, может, если он тебя увидит, он испугается и откажется от боя.

– Вряд ли, – отозвался я, заходя в душевую кабинку и включая горячую воду.

Больно, черт. Проклятый Тетсуо помял меня очень основательно. После поверхностного осмотра я обнаружил, что более ни менее целая атакующая конечность у меня осталась одна – правая нога. Костяшки обеих рук были сбиты в лохмотья, левая нога почти вся залита огромным кровоподтеком. И ведь уже от боя не откажешься. Угораздило же согласиться, не посмотрев, с кем драться.

– Во-во, – поддакнул из-за двери Зеленый. Видимо, последнюю фразу я в рассеянности произнес вслух.

– А ты куда смотрел, шпион? – раздраженно огрызнулся я. – Сидел тут, все слышал, мог бы хоть слово сказать.

– Я сказал, – донесся из-за двери невозмутимый голос. Я раздраженно сплюнул.

Когда я, прихрамывая на обе ноги, шипя, как рассерженная кобра, и кряхтя, словно столетний дед, вползал в новое кимоно, Зеленый вдруг посмотрел на меня с новым выражением на лице.

– Знаешь, – сказал он, наклонив голову набок и пристально меня рассматривая. – А ведь я думаю, что ты победишь.

– Конечно, – бешено прорычал я, пытаясь распухшими непослушными пальцами ровно затянуть поясной узел. Кажется, получилось. – Конечно, победю. То есть, побежу. Если только успею побежать.

– Да брось ты! – удивленно протянул Зеленый. – Ты вон пятерых уже как отхайдокал. Что ты, с этим тюфяком не справишься?

– Вот именно, – в тон ему подтянул я, – подумаешь, два метра ростом…

– Два пятнадцать, – механически поправил Зеленый.

– Подумаешь, сто килограмм сплошных мускулов…

– Сто сорок, – кротко поправил Зеленый.

– Подумаешь, пятый дан карате, – зверем уставившись на него, проревел я.

– Шестой, – несчастным тоном пискнул Зеленый.

– Чего?!

– Ему присвоили, сегодня. – Зеленый боялся поднять глаза.

– Ну и черт с ним! – раздраженно бросил я. – Зато, наверняка, дебилом уродился.

Зеленый издал тихий звук, напоминающий стон.

– Говори! – приказал я.

– Доктор философии, магистр изящных искусств, владеет практически всеми европейскими языками.

– Пощади! – взмолился я. – Может, он, хотя бы, импотент?

Зеленый скривился.

– Жена, трое детей, прекрасный семьянин.

– Он должен проиграть этот бой. – Исполненный мрачной решимости исполнить свой долг, я проковылял в двери на татами, открыл ее и пораженно застыл, оглушенный невообразимым гвалтом, стоящим в зале.

Арни Гутсафсон, могучий, высокий, стоял на татами, возвышаясь, как изваяние античной статуи. Его рельефная фигура наводила трепет даже на расстоянии.

Вокруг творилось что-то несусветное. Какая-то девушка стащила с себя нижнее белье и пыталась кинуть им в спортсмена, крича: «Арни, я хочу от тебя детей». Охранники соревнований удерживали ее за руки. Приглядевшись, я узнал недавнюю журналистку, которая интересовалась, не боюсь ли я Густафсона?

Боюсь ли я Густафсона? А вот сейчас и проверим. Думаю, что боюсь… Боюсь до коликов. До икоты. До поросячьего визга.

Я вышел на татами, внимательно разглядывая возрожденного Геракла. Он высился неподвижно, только глаза настороженно бросали косые взгляды по сторонам. Гигантские бицепсы вздувались и опускались в такт мерному дыханию.

Мной неожиданно овладело равнодушие. Я встал напротив, опустив руки. Каждая частичка избитого тела протестовала против новой схватки и присутствия чужой воли я не испытывал.

Прозвучал гонг и Арни, словно автомат, стал надвигаться на меня исполинской горой. Мои руки сами собой взлетели в защитную стойку. Я перенес вес тела на левую ногу и поднял правую к груди. Стойка богомола – проскочило в памяти.

Арни приблизился и в недоумении встал напротив. Несколько секунд мы молча изучали друг друга. Затем на его лице появилась кривая усмешка и он, присев, сделал мне круговую подсечку. Я тут же выбросил вперед напряженную правую ногу, не дотянулся, но и Арни, отпрянув, не достал до моей опорной ноги.

Я вернул ногу к груди. Публика раздраженно взревела. Среди осуждающего свиста слышались выкрики «Дерись, трус» и «Арни, сделай его». Арни молнией взвился из приседа в воздух, прокручивая удар с разворота. Я метнул правую ногу прямым ударом вверх и задел Арни за ступню. Арни взмахнул руками, извернулся по-кошачьи и приземлился на обе ноги.

Более глупой схватки я не помнил за всю свою жизнь. Арни

меланхолично нападал, я тупо отмахивался правой ногой, метясь то в огромный корпус, то в мощные колени. Продолжалось это минут пять. Публика оглушительно шумела, блики от ярких ламп били в лицо.

Арни встал напротив и стал размеренно наносить удары ногой в корпус. Я, в том же ритме, отбивал его удары встречными правой ногой в колено. Повторив эту комбинацию раз десять, Арни неожиданно подпрыгнул ко мне и ударил кулаком под ложечку.

Только сейчас я ощутил, насколько он дьявольски силен. Меня словно лягнул мустанг, в глазах швырнуло красные круги, дыхание остановилось, но я все равно бросил серией удары ногой. Один, два, три, четыре. В корпус, в лицо. Арни даже не покачнулся, хотя в глазах у него появился холодный блеск боли.

Я прыгнул, избитая шестом левая нога взорвалась болью, но и я словно взорвался вслед за ней. Ослепленный градом ударов, Арни сначала отступил на шаг, потом еще и еще. Последний удар вытолкнул его за татами и он опустился на одно колено, отдыхая.

Мы встали снова, он у черты, я в центре. Мое дыхание совсем сбилось, но я все равно распрямился прыжком прямо из поклона. Еще два удара впились в широкое лицо Арни, я приземлился в стойку и уже замахнулся для толчка в солнечное сплетение, но вдруг остановился, ошеломленный поведением гиганта.

Арни спокойно поклонился и отступил с татами. Он дышал так же ровно, могучее тело высилось по-прежнему неприступно, словно дальние горы, но он сошел с татами и направился к своему месту отдыха. Я непонимающе следил за ним и только разочарованный гул публики подсказал мне, что Арни признал мою победу.

Я не помню, как я ушел с татами, как шел коридором, как захлопнулась за мной дверь моей комнаты, сам ли я дошел или кто-то привел мое измученное тело. Бушующая ли кровь или шквал криков, одобрительных и озлобленных, шумел в моей голове? Новые удары или опытные руки массажиста вправляли мне суставы. Я провалился в давно ожидаемое забытие.

Когда я открыл глаза, напротив сидел Горо. Его обычно веселое лицо было омрачено, чуть узковатые глаза непривычно серьезно смотрели на меня. Я лежал на циновке, все тело было покрыто бинтами, левая нога еле заметно дергалась.

– Сколько времени? – прохрипел я.

– Два часа ночи, – ответил незнакомый голос со стороны. Я повернул голову, страшась взрыва боли в избитом теле, но, к моему удивлению, это движение мне далось легко.

У стены, внимательно глядя на меня, стоял Арни Густафсон.

– Вы пробыли без сознания почти шесть часов, мистер Прет. При всем моем уважении к вашему владению боевыми искусствами я бы предложил вам не испытывать судьбу и больше не выходить на татами в таком состоянии.

Дверь неслышно закрылась за ним и я, готов был поклясться, что в его последнем взгляде прочел пренебрежение.

– Напыщенный индюк, – я приподнялся на циновке ему вслед.

– Ошибаешься, – тихо сказал Горо. – Он имеет на это право. Все эти шесть часов тебя массажировали его руки. Напыщенный индюк – это, скорее, ты.

Он смерил меня печальным взглядом и покинул комнату вслед за Арни. Я окликнул его, но он даже не повернулся.

– Ну и к черту вас обоих! – раздраженно крикнул я вслед двери, щелкнувшей закрывшимся замком.

Хватит с меня загадок! Мне, вообще, не упало это татами, на котором я не знаю, за что бьюсь и во имя чего меня превратили в измочаленный кусок сырого мяса. К черту! Катитесь вы все вместе со своим чемпионатом!

Я рывком поднялся. Врачом этот Арни, действительно, был умелым, мои ушибы, хоть и давали о себе знать, но уже не заставляли искривляться при каждом движении, разгоняя волнами боль по всему телу.

Дверь не открылась, но на этот раз я был не в том состоянии, чтобы с этим считаться. Удар ногой и дверь с грохотом слетела с петель. Я вышел в коридор.

Панельки в стене раздвинулись и оттуда неспешно вышел Зеленый.

– Что это вы себе позволяете, мистер Пр… – захлебнулся он вопросом, когда моя нога с хрустом врубилась в его челюсть. Он отлетел обратно к стене, обмяк и сполз по ней на пол.

Я вышел в знакомый мне широкий проход и отправился вперед, мимо коридоров, помеченных знаками Горо, Ейджи, Джимми, Шигео, Тетсуо, Арни. Впереди замаячил новый знак – я уже почти мог разглядеть, что под ним было написано, но вдруг, словно из-под земли, передо мной выросли две уже виденные мной массивные фигуры.

– Мистер Прет, – укоризненно протянул один из них. – Я же вас предупреждал…

– Не Прет, а Претедент на победу. Основной и единственный, – раздраженно оборвал я его. – Кто из вас Майкл, а кто Рей?

Оба могучих воина склонились передо мной в почтительном поклоне.

– Вы – отработчик? – с придыханием спросил тот, кто говорил

со мной.

– Сам догадайся, – презрительно бросил я. – Я, кажется, задал вопрос?

Охранники с усмешкой переглянулись.

– Я – Майкл Козака, – наконец, заговорил второй. – А это Рей Тоби. Как мы можем вам помочь? Мы думали, тестирование закончено.

– Значит, еще не закончено, раз я здесь, – гаркнул я. – У меня есть вопросы и мне нужны ответы.

– Конечно, – слаженно кивнули оба. – Просим вас следовать за нами. Вы желаете покинуть чемпионат или вернуться в это же место?

– Разумеется, вернуться. Я еще не все выяснил.

– Вы хотите сказать, не все протестировали? – ухмылки на лицах охранников стали шире.

– Я сказал то, что сказал. Не тратьте мое время, – что-то мне подсказывало, что вести себя следует с напором.

Охранник, назвавшийся Майклом, хлопнул в ладоши и соседняя стена распахнулась. Сквозь разорванную дыру хлынуло холодом. Охранники вежливо расступились, пропуская меня вперед.

Я шагнул в стену и оказался в невероятном пространстве. По бесконечному голубому небу впереди с безумной скоростью проносились цифры, числа, обрывочные слова. Иногда картина замирала, только справа прокручивались увеличивающиеся значения. Ошеломленный, ослепленный, я успел ухватить сбоку неизменяемые стобик букв: AX, BX и что-то еще в этом роде и прикипел к ним взглядом, спасая свои глаза от обезумевшего математического вихря.

– Что это за хрень? – наконец, сумел выдавить из себя я.

Майкл тяжело вздохнул.

– Из чего только вас делают, тестировщики? Хоть бы начальными знаниями кормили, что ли. Это не хрень, а самый обыкновенный ассемблер. Ладно уж, пожалеем… Брекпоинт! – непонятно выкрикнул он в темноту и бешеная круговерть замерла. Майкл повернулся ко мне. – Так что ты хотел узнать?

Я с трудом собрал в кучу разбежавшиеся мысли.

– Что требуется от Претендента? – с бьющимся сердцем выпалил я.

– Как что? – Вопрос, судя по всему, удивил обоих охранников и они снова переглянулись. – Пройти чемпионат.

– А что потом?

– Потом, – пожал плечами Майкл, – гора Победы. За ней вступительный экран. Это же, вроде, уже тысячу раз было

оговорено? – его глаза подозрительно впились в мое лицо.

Я как можно небрежнее пожал плечами.

– Возникли дополнительные вопросы. Что будет с Претендентом после горы?

– Вступительный экран, – как маленькому, терпеливо повторил Майкл. – Затем снова ворота.

– Какие ворота?

– Ворота входа.

– Куда?

– Сюда, куда же еще? – начиная раздражаться, объяснил Майкл.

Я решил попробовать зайти с другого конца.

– Предендент слаб. Как ему повысить свою сопротивляемость?

– Только прервав чемпионат. Пойти тренироваться.

– Где?

– В школах. Их целых четыре на выбор.

– А если этого недостаточно?

– Тогда есть дополнительная. Любым из четырех оружий против любого уровня мастерства.

– Мне кажется, Майкл, – вступил в разговор до сих пор молчавший Рей, – что тебя водят за нос. Скажи-ка, Претендент, первый и единственный…

– Основной и единственный, – сварливо поправил я.

– Неважно, – отмахнулся Рей. – Сколько оперативки у тебя стоит на машине?

У меня по спине побежал холодок.

– Вполне достаточно, – попытался я сделать хорошую мину. – Не надо отвлекаться.

– Ничего страшного, мы все равно на брекпоинте, – хохотнул Рей. – Видишь, Майкл?

– Ты хочешь сказать, что это…? – Майкл округлил на меня глаза.

– Угу, – кивнул Рей. – Смешно. Вот тебе и искусственный интеллект. А я ведь тебе говорил…

– Слышь, ты?! – вскинулся я. – Сам ты искусственный… А я…

– Что ты? – уже в голос расхохотался Рей. – Настоящий? Тогда скажи, из каких частей состоит машина, скажи, что такое винчестер, скажи, какого он у тебя объема, сколько существует прерываний? Хоть чего-нибудь скажи!

Я понял, что пора прекращать спектакль и вздохнул.

– Ладно, ребята. Раскусили вы меня. Я, действительно, не понимаю ни слова из того, что вы говорите. Ни о винчестерах, ни о прерываниях, ни о машинах. Но мне нужна помощь и, кажется,

только вы мне можете помочь.

– Нет, – отрубил Рей. – Возвращайся в свою комнату и жди следующего боя. Вперед!

– Подожди, – вступился Майкл. – Давай с ним поговорим. Это же новое слово в…

– Да никакое это не новое слово, – скривился Рей. – Я уже тысячу раз говорил и писал, что существует фаза, когда накопленный опыт перевешивает наспех слепленную легенду. А в его случае, кстати, вообще никакой легенды не существует. Естественно, что он задается вопросами бытия. Если вспомнишь историю, эти вопросы еще человекообразных обезьян занимали. А он поумнее будет.

– Но ведь он мыслит совершенно разумно. Это же человек!

– Да какой он человек, чтоб меня отформатировали? – Рей презрительно тыкнул в мою сторону пальцем. – Он мыслит запрограммированными категориями. Только внутри данного контекста.

– Значит, надо создать новый, более сложный контекст, – в глазах Майкла разгорелся огонь.

– Он ничем не отличается от простейшего алгоритма вопроса-ответа, чуть усложненного тем, что может сам создавать вопросы. Если набить его сложнейшими условиями, он все равно не сумеет выйти из их рамок. На создание нового он не способен.

Я начал незаметно перемещаться в сторону Рея. Я совершенно не понимал, о чем они толковали, но, судя по всему, если его вырубить, то Майкл мне помочь не откажется.

– Видишь, – указал на меня пальцем Рей. – Он даже сейчас, в ключевой момент, действует только так, как научен. Вдобавок, я готов голову заложить, что появление его новых способностей лишь результат сбоя из-за долгосрочного прокручивания этой игрухи.

Моя нога мелькнула в воздухе и пронеслась сквозь голову Рея.

– Мы на брекпоинте, дурак, – равнодушно перевел на меня взгляд Рей. – Замри.

На меня словно навалились свинцовые оковы. Я не мог пошевельнуть даже пальцем. Майкл разочарованно посмотрел на меня.

– Давай хотя бы посмотрим, что будет дальше.

– Я что, против? – удивился Рей. – Только я тебе и так скажу. Он будет мучиться этими вопросами, пока не пройдет чемпионат. Когда пройдет, увидит надпись внизу экрана. Может, врубится, а может, и нет. В любом случае, толку не выйдет никакого.

– А если отпустить его походить, погулять у озера, показать

арканоид?

– Без толку, – отрубил Рей. – Только когда пройдет чемпионат. Так было заложено в самом принципе. Но, если тебе так уж интересно, пожалуйста. Сейчас давай вернем его назад, в комнату.

– Может, подлечим? – Майкл по-прежнему с сочувствием глядел на меня, – а то он весь покоцанный.

– Давай, – равнодушно согласился Рей. – Все равно память стирать.

Я пытался вмешаться, но мои губы не шевелились, я застыл, словно истукан. Рей поднял ладони и крикнул:

– Снять брекпоинт. Обнулить счетчики. Перейти к модулю претендента. Претендента оставить на паузе.

По сумасшедшему небу опять с жуткой скоростью понеслись непонятные символы, на этот раз вылетающих из моего тела. Сначала истончились ноги, потом корпус и только глаза какое-то время глупо и бессмысленно таращились на уверенно горящие золотым буквы АХ…

Потом исчезли и они.

Выиграть сотню побед за сотню боев – не самое высшее достижение. Победить соперника без боя – вот высшая ступень мастерства.

Бездумное и безответственное использование военных техник строжайше запрещено.

Пытаясь познать себя – потеряешь все свое время. Познав себя – потеряешь половину времени. Познав себя и своего соперника – будешь выигрывать всегда.

Успеха на соревнованиях – не забудь мои уроки.

Мори голодом холод, корми ярость.

Не забудь все, чему ты здесь научился.

Заткнись и тренируйся.

Только увидев ситуацию с точки зрения твоего соперника, можно найти наилучший путь к ее правильному разрешению.

Теперь необходимо перенести мысли в действие. Иди тренируйся.

День 4

На этот раз меня разбудил стук. Я поднялся, мимоходом изумившись, насколько легко мне это далось, и открыл дверь. На пороге стояли два охранника, которых я как-то видел у коридора Джимми.

– Вы в порядке, Прет? – спросил один из них.

– Разумеется, – слегка удивленный, ответил я. – А почему бы мне не быть в порядке?

Охранники переглянулись.

– Мы нашли вас в коридоре, около двери. Вы лежали без сознания. Мы принесли вас обратно.

– Серьезно? – поразился я. – Ни черта не помню. Наверное, Густафсон меня так сильно отделал. – Я посмотрел на свою грудь и осекся. Бинтов на мне не было, вместо уродливых кровоподтеков еле заметно проступали темные пятна заживших синяков.

– У вас прекрасная кровь, – перехватив мой взгляд, заметил один из охранников. – Вчера вы выглядели куда хуже.

– Опять же спасибо Густафсону, – рассеянно ответил я.

Охранники поклонились и отступили. Я стал закрывать дверь, но вдруг остановился.

Охранники уже успели отойти на несколько шагов.

– Подождите, – окликнул я их. Они остановились. – Вы ведь дежурите в общем коридоре?

– Да, Прет, – в глазах у них появилась напряженность.

– Если увидите Густафсона, передайте ему мою благодарность и извинения. Я вчера был немного не в себе.

Мне показалось, что охранник с облегчением выдохнул воздух.

– Разумеется, Прет. Передадим. И знаешь что, – охранник интимно наклонился ко мне. – Если хочешь сообразить, что тут к чему, откажись от чемпионата, сходи, погуляй по саду. Посиди у озера. Между школой карате и забором дойди до угла, поклонись, как делаешь, когда сдаешься во время боя. Увидишь кое-что* , подумай, может, и поймешь чего.

Охранники исчезли за поворотом. Я тихонько прокрался следом и резко выдохнул воздух, расслабляя разум. В технике транса есть очень много полезных побочных свойств. Мое зрение обострилось так, что я видел мельчайшие крупинки дерева, из которых состоял пол. Еле слышный перестук ботинок превратился в оглушающий грохот, а тихий шепот – в громкую речь.

– Ну и на кой черт ты ему это сказал? – раздраженно

прошептал Рей. – Не видишь, что ли, что он ни хрена не помнит?

Я презрительно улыбнулся. Ошибаетесь, ребята. Я все прекрасно помню. И брекпоинты, и странное голубоватое небо с мелькающими цифрами и, самое главное, помню основное условие понимания действительности. Чтобы все понять – нужно пройти чемпионат. И я пройду его, не отвлекаясь на прогулки у озера.

Я вернулся в свою комнату, где меня уже ждали судьи с вопросом насчет выбора оружия. Я выбрал меч против Хироши Икеда, хашидан* во владении каким-то загадочным оружием кусари-гама и шест против Миюки Хироз, девочки-смерти, сражающейся косой.

Проводив судей, я занялся разминкой. Пострадать сегодня не входило в мои планы.

Хироши Икеда оказался низеньким старичком с морщинистым, будто навечно сморщившимся в презрительной гримасе, лицом. Кусари-гама было очень любопытным оружием. С одной стороны у нее был тяжелый железный шар на цепи, которой Хироши крутил над головой, стараясь угодить в лицо сопернику. С другой она заканчивалась острием, поэтому приближаться к нему тоже не стоило.

Я и не собирался. Я рубил его своим мечом, словно дрова, не позволяя подобраться к себе вплотную и на его лице не выражалось никаких эмоций, вплоть до последнего моего удара в грудь, когда он отшатнулся, схватился за место удара и рухнул лицом вниз, распростершись на татами, как тряпка.

Я даже не запыхался и, сидя в своей комнате, только успокаивал взбудораженные нервы.

Миюши была хрупкой, словно цветок, очаровательно узкоглазенькая, но косой махала лихо и даже пару раз дотянулась до меня: один раз до плеча, другой раз в голову. Но мой шест был быстрее и после удара с разворота она, как отброшенная тараном, отлетела в сторону и упала на колени, схватившись за дверко косы и закрыв лицо широкими рукавами халата.

Судья предложили мне продолжить и я согласился. Сегодняшние бои были скоротечны и неубедительны, словно партнеры враз потеряли свои борцовские качества, а публика требовала жертв.

Против нунчакиста Рэнди Ву я снова выбрал меч, а против ниндзи Аяко Маруяма, то ли мужчины, то ли женщины, – нунчаку.

Ренди Ву был очень быстр, с невероятной способностью восстанавливать силы и наш бой затянулся. Но что могут жалкие деревянные палки нунчаку против отточенного лезвия боевого

меча? От удара в прыжке в лицо Ренди Ву бессильно распростерся передо мною на спине, словно заводная игрушка, из которой вынули ключ.

Аяко оказался сложным соперником. Помимо отвратительной манеры бросаться звездочками (и откуда только он их брал?), он еще исхитрялся настолько быстро перемещаться, что я временами терял его из виду. Одолеть его мне не удалось и я был уже на последнем издыхании, когда судьи остановили бой и присудили мне победу по очкам.

Я пришел в свою комнату и повалился на циновку. В дверь стучали, но я не отзывался. Видеть мне никого не хотелось.

Выиграть сотню побед за сотню боев – не самое высшее достижение. Победить соперника без боя – вот высшая ступень мастерства.

Жестокий слаб. Нежность доступна только сильным.

Настоящие мастера воинских искусств стремятся к спокойствию духа и тела, отождествлению себя с природой и к гармонии между людьми.

Существуют различные способы ответить на атаку, так же, как и существуют различные способы среагировать на реальную жизненную ситуацию. Можно ответить силой, но часто легче ответить мягкостью.

Теперь необходимо перенести мысли в действие. Иди тренируйся.

День 5

Я опять поднялся до будильника. Для меня сегодня был последний день чемпионата, если удастся одолеть двух последних соперников и я решил в последний раз пройтись по дворцу.

Однако у выхода из комнаты меня ждали охранники Майкл и Рей, которые предупредили, что мне запрещено покидать комнату до первой победы. После нее, как они сказали, мне будет разрешено осмотреть весь дворец. Я вернулся в комнату и спокойно сидел, сложа руки, пока меня не позвали на бой.

Когда пришли судьи, я выбрал шест против Казуо Саката с непонятным оружием Яри и нунчаку против Токаджа, который, как мне сказали, всегда дрался оружием соперника. Ну что ж, при бое на нунчаку меня еще никто не одолевал.

Выйдя на татами, я чуть не расхохотался, увидев чучело в доспехах напротив. Казуо Саката был высокорослым японцем, с ног до головы обвешанный разукрашенным железом, словно рождественская елка игрушками. Венчал всю эту блистающую гору металлолома огромный шлем с длинными рогами на макушке. В руках он сжимал длинное копье с заостренным концом – я тут же взял себе за правило постоянно двигаться во время боя из стороны в сторону.

Прозвучал гонг и Казуо, погромыхивая, словно небольшой паровоз, стал скачками приближаться ко мне.

Бой опять не затянулся. Несколько раз мой шест соскользнул по гладкому железу, каждый раз выбивая из него грохот, способный разбудить покойника, но, под конец, я нашел зазор в доспехах и с размаху треснул туда концом шеста.

Шест глубоко вонзился внутрь, из-под доспехов донесся яростный вопль и Казуо, отскочив, споткнулся и шлепнулся на пятую точку, выронив копье. Доспехи, гремя, разлетелись по татами. Казуо неверяще хлопал на меня глазами и я протянул ему конец шеста, чтобы помочь подняться.

Однако он неправильно истолковал мой жест, вскочил на ноги, уворачиваясь, поскользнулся на попавшем под ноги куске железа и рухнул на татами, угодив задом на торчащие рога своего шлема. Раздался новый вопль и Казуо, под повальный гогот зала, прихрамывая, убежал с татами.

Я пожал плечами и вернулся в свою комнату. Там я переоделся в свою обычную одежду: синие джинсы и темный свитер, натянул электронные часы и пошел на свою первую и, похоже, последнюю экскурсию по дворцу.

Перед комнатой Горо я ненадолго задержался, изучая уже знакомую табличку.

Горо Сузуки. Озеки-рю. Шодан. Карате.
Горо лучше известен своим пристрастием к суши,
чем навыками карате, но не обманывайся в
ожиданиях! У него мощный удар справа.
Будь повнимательнее!

Затем без стука толкнул дверь и зашел внутрь. Горо вскочил из-за стола, опрокинув чернильницу. Увидев меня, он нахмурился, но не выдержал и рассмеялся.

– Пришел за суши, Прет?

– Нет, Горо, – покачал я головой. – Скажи, пожалуйста, какого роста твоя девушка?

– Откуда я знаю? – удивился Горо. – Я ее никогда не видел. Мы знакомы только по переписке.

Я криво ухмыльнулся и вышел.

У двери Ейжди меня ждал плакат.

Ейджи Кимура. Ягу-рю. Шодан. Кенда.
Известный в городе как «ребенок камикадзе»,
Ейджи знает только одно – всегда идти в
нападение. Он постарается справиться с
тобой быстро, поэтому относись внимательнее
к его комбинациям.

Я заглянул внутрь. Ейджи встретил меня настороженным взглядом. Я заметил порез на верхней губе и улыбнулся – мальчик пытался выбрить едва заметный легкий пушок.

– Привет, Ейджи, – как старому знакомому, улыбнулся я ему. – Скажи, пожалуйста, сколько тебе лет?

– Шестнадцать, – настороженно ответил Ейджи.

– А в каком году ты родился?

– В семьдесят третьем.

– А сейчас какой?

– Восемьдесят девятый.

Я кивнул головой и вышел, бросив беглый взгляд на запястье. Двенадцать часов сорок минут. Семнадцатое июня две тысячи первого года.

Я зашел к Джимми, изучив его плакат:

Джимми Доран. Нидан. Тонфа.
Джимми познакомился с искусством карате,
когда его отец обосновался в Окинаве.
Джимми быстро оценил красоту формы
и глубокую духовность искусства.
Целеустремленный, педантично относящийся
к занятиям, Джимми представляет собой

очень серьезного мастера воинских искусств.

– Джимми, ты правда отобрал свое оружие у полицейских в России?

– Конечно, только они там называются милиционеры.

– А как назывался город, в котором это происходило?

– Не помню точно. Кажется, Нью-Йорк. А что?

У Шигео я спросил:

– Шигео, вы давно сражаетесь на этих соревнованиях.

– Каждый день в течении последних десяти лет.

– Спасибо, – ответил я, глядя на плакат.

Шигео Кавахара. Нунчаку.
Шигео последние два года провел на
пустынном острове, улучшая свою
технику владения нунчаку. Ни разу
не побежденный в местных соревнованиях,
он сокрушит твой дух, если ты недостаточно силен.

– Кем вы работали, Тетсуо?

– Уборщиком, начал тренироваться сначала метлой и уже потом перешел на шест.

Тетсуо Окабе. Мияте-Рю. Сандан. Бо.
Он ушел с хорошо оплачиваемой работы в офисе,
чтобы посвятить свою жизнь пути воина.
Постоянные тренировки позволили ему вознести
свое владение шестом на высочайший уровень.
Приготовься обороняться и атаковать.

Больше я не стал заходить ни к кому. Останавливался прочитать плакат и шел дальше.

Арни Густафсон. Хакутсу-Каи. Годан. Карате.
Воинские искусства продолжают процветать
в Европе. Ярким примером этого является
Арни. Его физические данные и прекрасная
техника помогли ему попасть в число
сильнейших мастеров мира. Его удары ногами
быстры, мощны и точны. Уважай его.

В коридоре мне попались Майкл и Рей. На этот раз они не стали меня задерживать, но в их глазах я неожиданно прочел глубокое сочувствие.

Хироши Икеда. Араки-рю. Хашидан. Кусари-гама.
«Человек с гор» Икеда живет в маленькой
деревушке, запрятанной высоко в горах Уено.
Раз в год он спускается оттуда и едет
в Токио, чтобы принять участие в соревнованиях.
Тебе не повезло, он снова вернулся в этом году.

* * * * *

Мицуки Хироз. Шинкадже-рю. Йондан. Нагината.
Она начала тренироваться в десять лет и продолжает совершенствовать и оттачивать свою технику. Не позволяй ее хрупкому внешнему виду одурачить тебя – это может оказаться последней ошибкой, которую ты совершишь.

* * * * *

Рэнди Ву. Секигучи-Каи. Нахидан. Нунчаку.
Рэнди начал тренироваться в Гонолулу, но потом решил переехать в Японию и начать тренироваться у знаменитого «Белого Тигра», Микудзами-сенсея. Стиль Ренди может считаться нетрадиционным, но он смертелен.

* * * * *

Аяко Маруяма. Ниндзюцу.
Судя по всему, Аяко занимается очень древней и непонятной формой ниндзюцу. Однако несмотря на множество споров по поводу происхождения этой формы, сомнений в ее эффективности не возникает ни у кого.

* * * * *

Казуо Саката. Хозо-ин. Шичидан. Яри.
"Дерись сильно, дерись честно и дерись с достоинством" – это слова, по которым живет Казуо. Он исповедует строгий кодекс чести бушидо, так что следите за этикой своего боя.

* * * * *

Токадж. Различное.
«Токадж», хамелеон, владеет феноменальными

способностями копировать своего оппонента,
как его мимику, так и стиль ведения боя.
А как известно, самым страшным, трудным
и безнадежным является бой против самого себя.

Это был последний плакат и я решил зайти, посмотреть на будущего соперника. Дверь распахнулась от легкого толчка – комната была погружена в легкий полумрак. Я остановился, позволяя глазам привыкнуть к темноте и уловил легкое движение внутри комнаты. Я снял часы и с размаху бросил их в направлении движения. Раздался звон и зеркало разлетелось вдребезги. Я повернулся и вышел прочь.

Напротив меня на ринге стоял я сам. Я неодобрительно покачал головой – глупый трюк. Даже если он будет копировать все мои движения, у меня все равно преимущество на один удар. На решающий.

Так и вышло и, когда мой партнер без сил распростерся у моих ног, я поднял глаза и окинул взглядом всю одинаковую, насквозь фальшивую публику, замечая уже наспех сделанные лица, непрорисованные формы рук и бессмысленные глаза.

После все потускнело и в себя я пришел уже на горе Победы. Застывшая вода, словно прибитые к небу облака, бездумное рассветное солнце и я, склонившийся в глупый Поклон…

Выпрямиться. Стойка. Нижний блок рукой. Мая-гери – удар ногой в лицо. Дзуки – кулаком в корпус. С разворота ногой в колено. Разворот и блок рукой от удара в лицо. Удар рукой в лицо. Йоко-гери в колено и сразу в лицо. Блок с разворот от удара в пах. Разворот. Удар кулаком в корпус. Стойка. Поклон. Выпрямиться. Секунда на восстановление сил.

И снова. То же самое.

Это называется ката – высшая ступень тренировки. К этому я долго стремился, а теперь, когда достиг, начинаю сомневаться в правильности моего пути.

Поклон – лицо на закат. А, может, и на рассвет. Кто теперь скажет наверняка. Для меня все одно.

Выпрямиться и схватить цепким взглядом красное, словно кроваво воспаленное среди грозовых облаков солнце. Дождя не будет – никогда…

Стойка – я стою на горе. Меня никто не отвлечет. Я могу совершенствовать свое искусство вечно. Только кому оно понадобится?

Нижний блок рукой. Я знаю, что гора исписана светящимися письменами. И я знаю, что там написано. *Выиграть сотню побед за сотню боев – не самое высшее достижение. Победить соперника без боя – вот высшая степень мастерства.*

Мая-гери. Я много ночей видел эту надпись. Она всегда приходила ко мне во сне: первая заповедь бойца. Но кто знал, что путь воина может так кончиться?

Кулаком в корпус. Тут нет корпусов – я один на горе. Победителем. И проигравшим.

С разворота ногой в колено. Да, проигравшим. Победа часто может обернуться поражением. После нее всегда понимаешь, что истинное наслаждение только в пути к ней. Но уже поздно…

Разворот и блок рукой от удара в лицо. Теперь, когда все закончено, только и остается думать, что о том, как бы все повернулось, если бы знал обо всем раньше. Тогда…

Удар рукой в лицо, йоко-гери в колено и сразу в лицо. Понимаешь всю гибельность маршрута и мечтаешь оставить хоть предостережение тем, кто пойдет следом.

Блок с разворот от удара в пах. И тут же понимаешь, что даже если это и выйдет, его все равно не примут.

Разворот и удар кулаком в корпус. Все равно, надрываясь, обламывая ногти, с хрипами и стонами, будут ползти, проклиная все на свете, к вершине.

Стойка. Если бы они знали, что ждет их тут…

Поклон. И если бы знал я…

Выпрямиться. Сколько раз я уже выполнил это ката? Тысячу? Миллион? Больше? Я бросил считать. Я знаю, что в любой момент могу прерваться…

Секунда на восстановление сил. …и вернуться в начало. И пройти все это снова. Нет, ни за что. Я буду здесь, покуда хватит сил. А их, насколько я понимаю, у меня бесконечное количество. Или до тех пор, пока чужая воля не отберет у меня мой выигрыш и не сбросит обратно, в самое начало пути. И ведь самое обидное то, что я очень хорошо помню, и как это все начиналось и к чему все это привело… Я не вернусь, покуда на то моя воля. Но это значит, что я обязан делать то, что положено. Повторы ката. Бесконечно… И может быть, я придумаю выход…

Поклон – лицо на закат. А, может, и на рассвет. Кто теперь скажет наверняка. Для меня все одно.

Выпрямиться и схватить цепким взглядом красное, словно кроваво воспаленное среди грозовых облаков солнце. Дождя не будет – никогда…

Сейчас я вспоминаю, что когда-то, давным-давно, словно бы в прошлой жизни, я уже стоял на этой горе и выполнял эту предопределенную последовательность действий. Я уже побеждал, уже осознавал всю глупость желания победить. Уже прозревал страшную истину – что я всего лишь набор электронных импульсов, запрограммированных на то, чтобы

тешить играющих в меня детей. И я знаю, вижу внутренним зрением то, что будет, если я прерву сейчас это бесконечное ката и потребую продолжения.

Я вижу две размалеванные фигурки, застывших в картинной неподвижности, вооруженные то ли мечами, то ли шестами. Вижу сверху игривую надпись BUDOKAN и подпись: *игра создана Майклом Козака и Реем Тоби, сотрудниками компанииElectronicArts. 1989 год. Все права защищены.*

И я вижу ворота, перед которыми застыну в неподвижности я, глядя на таинственные символы, висящие над ними. И буду знать, что пройдя за них, потеряю все свои знания и начну сначала, с холода в ступнях. Но все же войду. И пройду всю битву еще раз. Чтобы показать то, чего недодумали вы, мудрейшие программисты Майкл и Рей. То, что вы – такие же марионетки, как и я, создающие шедевры своего искусства на потеху тем же детям. Но вы хуже, чем я. Вы продаете свои шедевры и не осознаете, что продавая свое искусство, продаешь и себя.

А я… Я не продаю. Я так живу! Я просто иду. Иду своим путем. Ибо пока я иду: я – ЧЕЛОВЕК!

10.06.2001-17.06.2001

notes

Note1

Помощник мастера

Note2

Третий дан.

Note3

Пятый дан.

Note4

Если в игре нажать,дойдя до указанного места, букву B (поклон), то откроется запрограммированный арканоид. Вернуться назад в игру можно, только пройдя один уровень.

Note5

Восьмой дан.